

Три женщины в городском пейзаже

Автор:

Мария Метлицкая

Три женщины в городском пейзаже

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Как много их – женщин с потухшим взглядом. Тех, что отказались от счастья во имя условностей, долга, сохранения семьи, которой на самом деле не существовало. Потому что семья – это люди, которые любят друг друга.

Став взрослой, Лида поняла, что ее властная мама и мягкий, добрый отец вряд ли счастливы друг с другом. А потом отец познакомил ее с Тасей – женщиной, с которой ему было по-настоящему хорошо и которая ждала его много лет, точно зная, что он никогда не придет насовсем.

Хотя бы раз в жизни каждый человек оказывается перед выбором: плыть по течению или круто все изменить. Вот и Лидино время пришло. Пополнить ряды несчастных женщин, повторить судьбу Таси и собственной матери или рискнуть и использовать шанс стать счастливой?

Мария Метлицкая

Три женщины в городском пейзаже

© Метлицкая М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Три женщины в городском пейзаже

Лида открыла глаза. На улице было светло. Почти светло – в ноябре светло в Москве не бывает. Посмотрела на будильник: половина девятого. Выходит, пора. Вытянувшись в струну и на минуту прикрыв глаза, скинула одеяло и села на кровати. Пора, мой друг. Пора. Увы!

Подошла к окну. Снега еще нет, зато есть подмерзшие лужи, которые непременно растают к обеду. Выходит, надо надевать что-то непромокаемое. Но не резиновые же сапоги!

В комнате было полутемно, и Лида раздернула плотные шторы. Светлее не стало. Поздняя осень – паршивое время. А про ноябрь нечего и говорить. Скорее бы зима! Снежок и морозец, ощущение приближающегося праздника и ощущение наступающих перемен.

Какая наивность: какие перемены, перемен давно нет. А если и есть, то точно не к лучшему. Но странное дело – ощущение праздника неизменно! Как казалось в далеком детстве: завтра перевернется страница календаря, проводим старый, надоевший и не очень удачный год, наступит первое января и – все будет иначе. По-другому. Но точно лучше, чем в прошлом году. Как же! Все оставалось по-прежнему. Странно устроен человек: взрослея, он перестает верить в Деда Мороза, в новогодние сказки, в чудеса, да просто почти перестает верить, в том числе людям. А вот это волнующее, трепетное ощущение перемен в новом году остается.

Умывшись, Лида включила кофеварку и, широко зевнув, села на стул. Боже, как все неохота: готовить, собирать сумку, причесываться, краситься и одеваться. Неохота выползть из теплой квартиры и спускаться в метро. А что охота? Все просто: бухнуться в кровать и... уснуть. Просто закрыть глаза и ни о чем не думать. Хотя смешно – разве такое бывает?

Заворчав, кофейная машина раздраженно выплюнула кофе. По кухне поплыл любимый запах. «Этот запах и примиряет с суровой действительностью, – подумала Лида. – И перед работой, и в выходные. Ну и вообще в любое время, всегда». Есть не хотелось. Ей никогда не хотелось есть по утрам. Но это

неправильно, и Лида со вздохом отрезала кусок сыра. В чашку плеснула молока. И, чуть подумав, положила чайную ложку сахара. Нельзя, но в субботу можно. Должны же у человека быть послабления.

На маленькой, шестиметровой, кухне было уютно. Лида с гордостью оглядела свежий ремонт: молодец, что решилась! Решилась взять кредит, сделать ремонт и поменять кухонную мебель. Правда, вслед за этим потянулись занавески, светильник, ну и вся техника. Ничего, справлюсь. Главное – красота!

Мама, разумеется, не одобряла и отговаривала – мама гордилась, что за всю жизнь не заняла ни одного рубля. «Ни од-но-го, – по слогам повторяла она, – и спала спокойно. Чего-то нет? Значит, не надо! До этого же обходилась. Ну и вообще – предела хорошему нет: сделаешь одно – захочется остальное». Странная психология, но живущих в долг – а в нынешнее время в кредит – мама не только опасалась, но и презирала.

Мама есть мама. Ольга Ивановна – человек железных принципов и твердых постулатов, незыблемая скала, вектор правильных поступков и человек, не идущий на компромисс. Характер плюс специальность – в недавнем прошлом она была сосудистым хирургом, профессором и заведующей отделением, автором монографий и научных трудов. Словом, медицинская элита и уважаемый человек. «Без своего характера я бы ничего не достигла, – заявляла мама и добавляла с усмешкой: – И кстати, все успела. И замуж вышла, и дочь родила. А не только карьеру делала. Ну и за собой следить успевала, ты это знаешь».

Чистая правда, со стороны все было именно так: Ольга Ивановна Вершинина была красивой и ухоженной женщиной. Нет, ярой поклонницей моды и шмоточницей она не была – это для бездельниц! Но стиля придерживалась – узкие юбки, а потом и брюки, модные водолазки и пиджаки, невысокие, но все же каблуки. Немного косметики – чуть-чуть тронуть тушью ресницы и светлой помадой губы. Правда, длинные ногти и лак на ногтях исключался – хирург.

И духи мама любила – горьковатые, острые, похожие на мужские и непременно французские.

У Ольги Ивановны был красивый профиль и не очень удачный фас. «Если я хотела понравиться, – смеялась мама, – то всегда поворачивалась в профиль!» Да, и юмор иногда был маме не чужд. Правда, нечасто – женщиной она была

серьезной и строгой.

О том, что Лида взяла кредит да еще и немного заняла, мама не знала. Иначе – точно скандал. А если не скандал, то вереница упреков. И Лида с легким сердцем наврала, что накопила. Она часто маме врала – так было проще. Но мама отнеслась к этому с сомнением: «Ты и накопила? Ха-ха. Ни за что не поверю!» Однако Лида стояла на своем.

Правду знала только Тася – от нее Лида ничего не скрывала. Тася обрадовалась и, как всегда, поддержала: «Умница, молодец, что собралась и решилась. Деньги – мусор, пыль, они приходят и уходят, ну и вообще любить деньги безнравственно. А обновление, радость и удовольствие – это все. Лидуша, ты только представь, – и Тасино лицо озарялось улыбкой, – выходишь утром на кухню, заводишь свою кофеварку, включаешь музыку и – балдеешь. Вокруг красота – новый гарнитур, новые стены, новый светильник. И ты во всей этой сказке. А, Лидуся? И у тебя тут же, в секунду, поднимается настроение».

Так все и было – Лида балдела, и настроение улучшалось. Правда, понимала, что никакого моря в этом году не будет, но свой ежедневный кайф ловила – в конце концов, отпуск у нас две недели, а все остальное время мы на работе и дома.

Да, кухня получилась именно такой, о какой она мечтала: желтенький гарнитур – мама критически хмыкнула: «Веселенький», – занавески в лимонных бабочках, зеленоватый кафель на полу, зеленый светильник. Все зелено-желтое, с оранжевыми вкраплениями (скатерка, тарелки, керамика). Такой обнадеживающий, солнечный, летний микс – в общем, красота. Кухня – лето! Теперь наплевать, что она живет в городе с вечно серым, металлическим небом и слабой надеждой на солнце.

«Теперь бы осилить ремонт в остальной квартире, – вздыхала Лида. – Но это из области недостижимого и несбыточного, увы». Ну и ладно! Хватить хныкать и нюниться. Как учит Тася, радуйся тому, что есть.

Лида допила кофе и открыла холодильник. Жареная курица – раз. Винегрет – два. Лимонный пирог – три. Отлично, мама будет довольна. Хотя когда и чем мама была довольна? Вопрос.

На часах было двадцать минут десятого, и, вздохнув, Лида взяла телефон.

– Привет-привет. Давно встала? А ты? Как спала? Поняла. Нет, я нормально. Ну да, в моем возрасте... Что поделываю – выпила кофе. Да нет, встала рано. Так, проковырялась... Копуха? Ну да, а что может измениться? Какая уж есть, извини. – Обиделась: – А что, даже в субботу не имею права?

Сто раз давала себе зарок – на маму нельзя обижаться. Во-первых, бессмысленно. И во-вторых тоже.

– Когда буду? Ну мам! Сейчас приберусь. Почему грязно? Нормально. Кому тут грязнить? Так, вытру пыль, протру полы, – Лида вздохнула, – и начну собираться. К часу, наверное, буду. Хорошо, мам, без «наверное». Наверняка. Ну все, пока, до встречи. Нет, я не обиделась. Да говорю тебе, что все нормально! Да и на что обижаться?

Лида прошлась по квартире. Нет никакой пыли. Да и какая пыль в ноябре да при закрытых окнах? Пыль подождет. Вообще все подождет. И мама в том числе. А сейчас... Сейчас она плюхнется и повалится. А может быть, и поспит. Хотя бы на это она право имеет?

Встала в половине двенадцатого – пора. Подождет – не подождет, а выслушивать претензии никто не хочет. Тем более в сорок пять лет.

Уложила в контейнер курицу, пирог и винегрет. Надела пальто, мимоходом глянула в зеркало: бледная поганка. Но краситься не хочется. Да и зачем? Встретить свою судьбу она давно отчаялась. И вечно быть наготове давно надоело.

Мама жила в пяти остановках – по московским меркам недалеко. Так и менялись, чтобы жить рядом. Обмен искали долго – мама капризничала. То далеко от метро, то низкий этаж. То загаженный подъезд, то непонятные соседи. Дальние спальники даже не обсуждались – мама привыкла жить в центре. Правда, тогда еще была работа, это сейчас она на пенсии. Лида не спорила – спорить с Ольгой Ивановной дело пустое и безнадежное.

Ну и в конце концов все совпало: мама поехала на Шаболовку – уже центр, недалеко Даниловский рынок, кинотеатр, Донской монастырь и рядом метро. Да и дом не современная коробочка с потолками в два шестьдесят, а послевоенный,

построенный пленными немцами, а они, как известно, не халтурили. Две комнаты в тринадцать и восемнадцать метров, нормальная кухня. Окна во двор. Тишина. Четвертый этаж, тихие соседи. Мама гуляла в Донском, ходила на рынок, смотрела телевизор – словом, жила, как живут тысячи обычных пенсионеров. И со временем почти смирилась со своим положением. Почти... Потому что смириться ей было непросто.

Всю жизнь она работала. Оперировала, спасала людей, вела студентов, отвечала за тяжелое отделение. Да и семья – муж, дочь, хозяйство. А потом выросла и ушла замуж дочь. Умер муж. И подошла пенсия. Вот это было самое страшное.

Уход Лидинога отца мама пережила довольно спокойно. Поплакала, погоревала и – объяснила, что, как врач, знала, что с таким диагнозом он долго не проживет.

А вот выход на пенсию переживала ужасно. Еще бы – подселел ее самый любимый и преданный ученик. Самый талантливый, выращенный ею и выпестованный. Вроде и обычная история, каких тысячи. А попробуй через это пройти. Попробуй смириться, когда это касается лично тебя.

С того дня мама отрезала прежнюю жизнь – никаких посещений, никаких учеников и коллег. Ни-ко-го! Она вообще никого не желала ни слышать, ни видеть – даже свою подругу, с которой проработала двадцать пять лет, старшую сестру отделения Мирославу, а они были близки. И Валерьвалерича, одноклассника, коллегу и просто хорошего друга. Никого из бывших коллег. «Та жизнь закончилась, – говорила Ольга Ивановна. – Точка. И ничего не хочу ворошить, как ты, Лида, не понимаешь? Придут со своим тортиком, обшарят глазами, как тут и что, изучат внимательно: «Ох, постарела ты, Оля, поправилась! Еще бы – сидишь сиднем. А что Лида? Замуж вышла?» И начнут лезть в душу. А я порежу торт – а куда деваться, – налью чай – и начнется: сплетни, слухи, разные истории. А главное – обсуждения нового заведующего. Ну и сравнение: как было при Ольге Ивановне и как стало при этом...»

Имени предателя мама никогда не называла: «тот, этот, новый заведующий».

«Зачем мне лишние травмы и лишние страдания, – заключала мама, – вот ответь. Я уже успокоилась, пережила. К чему возвращаться, зачем ворошить?» «А может, она права, – думала Лида. – Только я бы так не смогла. И папа бы не смог

– куда нам до мамы».

Бодрая и свежая, одетая в красивое домашнее платье мама посмотрела с укором:

– Полвторого, Лид! А ты обещала к часу!

Ну началось. Главное – не вступать в полемику, и Лида вяло пробормотала:

– Мам, ну что тебе, на работу? Подумаешь, полчаса. Ну извини. А, собиралась гулять! Ну я коротенько, надолго не задержу, – раздеваясь, бурчала Лида. – На сумку, убери в холодильник. – Недовольная, мама пошла на кухню. Лида поплелась за ней.

Как всегда идеальный порядок: не кухня – операционная. Белоснежное полотенце, блестящие приборы, сверкающая плита. Да и что бы ей не сверкать? Мама совсем не готовит.

«Всю жизнь была эта мука, – однажды призналась мама. – Галеры». Готовить она ненавидела. Да и на работе уставала. А деваться некуда – семья.

Тася говорила, что кухня любит внимание. А пренебрежения, халтуры не любит. Не вложишь душу – ничего не получится. Душу в готовку мама не вкладывала, не все женщины кулинарки. Мамина готовка была невкусной, какой-то скупой. Не по содержанию, а по виду и вкусу. В общем, без души. Невкусные водянистые супы, пресные котлеты, жидкое пюре, переваренные макароны. Да и откуда силы, если простоять у операционного стола пять часов кряду?

Отец ужинал молча. Не хвалил, но и не ругал. Поев, ставил со вздохом тарелку в мойку.

Придя после школы, Лида выбрасывала обед – суп в туалет, второе – котам у подъезда. Стыдно, но есть мамину стряпню не хотелось. В выходные, когда за столом собиралась семья, было хуже – не выкинешь. Ну и давилась.

– Не нравится? – обиженно фыркала мама.

Лида начинала оправдываться. Всю жизнь она перед ней оправдывалась. Потому что они разные. Совсем они разные, мать и дочь. Лида пошла в отца. «В отцовскую породу», – говорила мама с неудовольствием. Подтекст был такой: все Вершинины слабаки. И бабушка Рита, мамина свекровь. И дед Андрей, свекор. И золовка Зоя, младшая сестра отца. Все «плыли по течению» – а жизнь – это «сопротивление и противостояние».

Сопротивление. Чистая правда – сопротивляться и противостоять Лида не умела. Со временем поняла и вывела формулу – сильное притягивает слабое. И наоборот. Все справедливо. Сильная мать – слабый отец. Впрочем, слабым отца она не считала, потому что очень любила. Больше всех на свете Лида любила отца. Папу, папулю. Папочку, папку.

И бабу Риту любила, и деда Андрея. И тетю Зою – всех Вершининых. Маминых родных Лида не знала – в четырнадцать лет мама осталась круглой сиротой. «Надо было выживать, – повторяла Ольга Ивановна. – И я научилась. Противостоять и сопротивляться». Детдома удалось избежать – девочку взяла тетка, двоюродная сестра матери. Скупая, молчаливая и одинокая Сима. Вредная, колючая, но, как оказалось, не злая. Сама не из счастливых – бездетная вдова. Жила тетка Сима в собственном домике на Преображенке. Комнатка и терраска. И – полная нищета: Сима работала уборщицей на санэпидстанции.

Близкими людьми они с теткой не стали, но всю жизнь Ольга Ивановна была благодарна Симе за то, что та избавила ее от детского дома.

Тетка Сима прожила до девяноста трех лет, и Лида помнила унылые и скучные поездки на Преображенку. И помнила тетку – высокую, высохшую, с темным лицом. Лида ее боялась.

На кухне мама рассматривала дочкины гостинцы и хмурила брови:

– Лида, зачем? Я что, курицу не могу себе поджарить? Или накрошить винегрет? За пирог спасибо, вечером с чаем.

Лида молчала – вступать в дискуссию не хотелось. Но знала – никакую курицу мама жарить не будет. Как и крошить винегрет. В лучшем случае отварит готовые пельмени, а в худшем – разогреет в микроволновке готовые котлеты.

Выпили чаю. Поговорили. О чем? Да ни о чем. Поругали погоду, посетовали на слабое отопление, обсудили дурацкие телепередачи.

«Странно, – думала Лида, – мама ведь умница, и ум у нее еще ого-го, живой, острый, да и память прекрасная. А разговаривать не о чем». Всю жизнь мама жила работой, и ничто другое ее не интересовало. А когда работа кончилась – кончилась жизнь. Нет, она по-прежнему сопротивлялась – «жизнь – это сопротивление», – гуляла, читала журналы, смотрела кино, иногда делала укладку, подкрашивала глаза. Только все это ей было неинтересно. Кайф был только в работе.

«Теперь у меня одна радость, – грустно усмехалась Ольга Ивановна, – длинные ногти и маникюр! То, чего я была лишена всю свою жизнь. Не смейся, Лида, – раз в три дня перекрашиваю».

После чая Лида стала собираться домой. Чувствовала, что маме хочется остаться одной. Что поделаешь – она давно привыкла к одиночеству. Да и возраст, что говорить.

Задерживать дочь Ольга Ивановна не стала, сухо чмокнула в щеку.

– Ну, давай. Спасибо за гостинцы – сегодня пирую. Да, у тебя все нормально?

Лида кивнула:

– Нормально.

– И слава богу, – мама облегченно вздохнула. – Ну пока!

На улице Лида усмехнулась: «Нормально? Нормально. Ну и слава богу». Действительно – слава богу. Только вот вряд ли у нее все было нормально. Ничего нормального у нее не было. С тех пор, как ушел Сережа.

Лида медленно шла к метро. Ну вот, что называется, навестила. Какая формальность – их общение с матерью! Никакого тепла, никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже когда Лида умирала после ухода Сережи. Тогда мать сухо прокомментировала:

- Знаешь, я ему никогда не доверяла. Приглядывалась к нему и...

- Что - и? - резко спросила Лида.

Мать махнула рукой:

- Да чуяла, что ли. У него было такое лицо, - задумалась мама, - как будто он что-то замышляет.

- Глупость - что-то замышляет. Ох, мама! Все эти годы Сережа был самым преданным, самым нежным и самым любящим мужем, и мне казалось, что счастливее меня женщины нет.

- И куда все это делось, куда ушло? - желчно осведомилась мать. - Ну если все это было?

Куда ушло? Хороший вопрос. А куда уходит любовь? Кто-то может ответить?

- Просто он, мама, влюбился. Такое бывает.

Мать с сомнением покачала головой:

- Не знаю, Лида. Бывает, наверное. Только я знаю одно: есть ответственность. За тех, кто с тобой рядом. Есть семья. В конце концов, любовь не самое главное - порядочный человек из семьи не уходит.

- Хватит, мам, - перебила Лида, - пожалуйста, хватит! И прошу тебя, не делай из Сережи подлеца. Он и сам мучается и очень страдает.

Мать звонко расхохоталась:

- Ну и дура ты, Лида! Страдает, ага! В объятиях новой супруги!

Жестокость - не пожалеть собственную дочь! Женщина, а сочувствия никакого!
Папа, папа, кажется, ты был неправ.

После ухода Сережи прошло десять лет. Коротких, как мгновение, и бесконечных, как вечность. И не было дня, чтобы Лида его не вспоминала. Правда, со временем сердце сжималось все реже – действительно, время лечит.

За все эти годы она ни разу не посмотрела на других мужчин. Не потому, что праведница. Просто – не надо. Она и представить не могла, что кто-нибудь, кроме Сережи, возьмет ее за руку, погладит по волосам, дотронется до ее плеча. А уж обо всем остальном и не о чем говорить.

– Ну-ну, – комментировала мама, глядя на бледное и измученное лицо дочери. – Продолжай в том же духе. А тебе, между прочим, уже за сорок! Думаешь, кто-то будет ждать, пока ты оклемаешься? Езжай на курорт, в пансионат, наконец! Ходи в музеи, на выставки! Глядишь, и найдешь какого-нибудь дурака. А что, всяко бывает!

Лида хохотала:

– Мам, а может, на кладбище? Чтоб подцепить богатого вдовца? Эх, мама, – вздыхала Лида, – музеи, концерты... В такие места ходят со своими женами. Или с подругами. И поверь, никому не интересна женщина абсолютно рядовой, заурядной внешности, да к тому же «хорошо за сорок». Оглянись – вокруг не клумбы, райские сады! Такие женщины по Москве ходят – не оторваться! Даже я иногда оглядываюсь – такое бывает? А ты про женщин «хорошо за сорок». Да нет у них шансов, понимаешь? Почти нет! Как, впрочем, и у меня.

Но мама спорила, возражала – каждый кузнец своего счастья. Характер – это судьба, а судьба – это характер. В общем, как ни крути, а Лида оставалась в слабых, робких и нерешительных неудачницах.

«Даже такое ничтожество, как этот Сережа, и тот слинял», – цитата из Ольги Ивановны.

С серого хмурого низкого неба посыпал снежок – не снежок, так, крупа. Мелкая, колючая, рассыпчатая, как пшенка.

«Уф, отстрелялась, – улынулась Лида. – Сейчас приеду домой и сварю себе пшеничную кашу! Изюм, кажется, есть, сливочное масло тоже. Разваристую, сладкую размазную, с хорошей горстью изюма и с обязательным последним

штрихом – естественно, когда каша уже выключена и, как говорил папа, допревает под крышкой, – так вот, последний штришок – здоровый кусок сливочного масла, который растечется, расплавится, разоидется в горячей каше жирным озерцом, потечет по бокам, по стеночкам, проникнет на самое дно, пропитает, насытит».

Так они делали с папой. Папа обожал всякие каши. Смеялся: «Деревенские корни, Лидка! Щи да каша – пища наша». Какие там «деревенские»! Папа родился в Москве, на Лубянке. Как и бабушка Рита. А дед Андрей был и вправду из деревни. Но приехал в столицу в семнадцать.

«Ой!» – Лида вспомнила: молока, кажется, нет. Не страшно, забежит у дома в «Пятерочку». И, прибавив шагу, она представила любимую «цыплячью» кухню, зеленый абажур, теплые тапки с заячьей мордой и казанок с горячей масляной кашей с изюмом. А рядом с тарелкой – здоровенная, на пол-литра, любимая чашка с крепким и сладким, непременно с лимоном, английским чаем.

В вагоне Лида увидела себя в стекло и, хмыкнув, отвела взгляд. Ничего хорошего. Усталая, грустная тетка «хорошо за сорок». Не женщина – именно тетка. Таких вон сколько, целый вагон! Кемарят, прижав к себе сумки – съехавшие набок шапки, разъехавшиеся полы пальто, поплывшая тушь, смазанная помада. Дремлют и тоже мечтают о каше. Или о котлете, какая разница? Правда, скорее всего дома их ждет семья – голодные дети и муж.

А Лиду ждет тишина. А может, и хорошо? Хорошо. Определенно хорошо и даже прекрасно. Как и домашние брюки на мягкой байке, старая майка с рукавами, застиранная донельзя, – видела бы ее мама!

«Заячьи» тапки и запах почти готовой каши – разваренной крупы, чуть подгоревшего молока, сладковатый запах сливочного масла. Запах дома. Все так и было, и ее нехитрые мечты сбылись. Угнездившись в кресле и поджав под себя ноги, Лида устроилась поудобнее. Ела прямо из кастрюльки, выуживая разбухший, почти черный изюм, стараясь зачерпнуть его вместе с озерцом растаявшего масла – так вкуснее.

По телевизору, как всегда, чушь – субботний вечер, а смотреть нечего. По всем каналам натужно и тупо шутят уставшие от самих себя юмористы. Тоска. Про новости и говорить нечего – глянешь на ночь и не уснешь.

Съев вожделенную кашу и выпив чаю, Лида посмотрела на часы – Тася!

Тася отозвалась сразу, после первого же звонка.

– Лидуся, милая! А я уже жду не дождусь, старая дура! Да что там про меня, – возмущилась она на Лидин вопрос «как дела». – Дела мои скучные, стариковские. Рассказывай про себя! И подробненько, девочка! Без пропусков – ты знаешь, мне все интересно!

«Всё как всегда», – в очередной раз, в стотысячный раз подумала Лида, сравнив двух женщин, маму и Тасю. Самых близких и самых родных. А больше никого у нее и не было.

Тасе и вправду было все интересно – все и в мельчайших подробностях. Как спала, как съездила к Ольге, как Ольга, как она себя чувствует? Что ешь? О, пшеничную кашу? Мммм! Прекрасно! Вот и наводка – завтра сварю себе пшеничную кашу!

– Да, – виновато сказала она, – на бутербродах... Ну что тут поделывать, ты меня знаешь: когда не для кого готовить, так и не готовлю. Вот ты приедешь и устроим пир. Лидуся, милая, успокойся! В моем возрасте уже наплевать, что вредно и что полезно. Можно есть то, что хочется, и получать удовольствие. А колбасу – ты же знаешь – я люблю больше всего на свете. Помнишь, как называл меня Валя? Вот-вот, колбасная душа. Завтра приедешь? – расстроенным голосом уточнила она. – Ой, Лида, не надо! Такая погода – приличный хозяин собаку не выведет. Нет-нет, умоляю! Да все у меня есть, ты о чем? Да и что мне надо? Полпалки «краковской», – с виноватым смехом сказала она, – и целый белый батон! Два йогурта, простокваша. Да всего навалом, Лидусь, не волнуйся! А приезжать я тебе не разрешаю, ты меня слышишь? Запрещаю, и все! Отваляйся, отоспись. Отдохни! Почитай. Что у тебя на тумбочке, кстати? Неохота читать? – растерянно переспросила она. – Ну это бывает. Послушай музыку, посмотри какой-нибудь старый фильм. Ой, да что я суюсь со своими советами. А то ты не найдешь, чем заняться! А с Настей ты давно не встречалась? Тоже неохота? Ну я понимаю – Настя заговорит, голову заморочит, мало не покажется. Тогда отдыхай, просто побудь дома, моя хорошая. Договорились? Ну все, я тебя обнимаю. Да что ты пристала! Говорю тебе – у меня все хорошо. Ну все, отстала, старая липучка, спокойной ночи.

«Договорились, ага, как же, – улыбнулась Лида. – Все равно поеду, неделю не была, соскучилась. Торопиться не буду, отосплюсь. Отосплюсь и поеду. И все куплю по дороге».

И дело совсем не в продуктах – Тася с голоду не умрет, Лида постаралась. Зная Тасину нынешнюю лень, купила впрок консервов – рыбных, мясных, овощных. Круп и макарон тоже навалом – открой банку тушенки, смешай с макаронами, вот и обед. Дело тут не в продуктах, совсем не в продуктах. Просто Лида по Тасе очень соскучилась. Вот как бывает.

* * *

Когда отец решил познакомить их с Тасей, она долго не могла прийти в себя. Как это так? Разве так может быть у приличных людей? Разве это возможно? Нет и нет, никогда! А как же мама? Это же абсолютное предательство. Предательство безо всяких там отговорок. Самое гнусное предательство – знакомиться с любовницей отца! Кем она будет после этого? От возмущения чуть не задохнулась:

– Пап, ты серьезно? – Слезы брызнули фонтаном, как у клоуна в цирке.

Лида отпихивала отца, когда он пытался обнять ее и успокоить.

– При чем тут «ты взрослая»? При чем тут вообще я? Это, прости, ваши дела! Ваши темные делишки, папа! А ты хочешь вовлечь меня в это? В эти ваши делишки?

– Это не делишки, Лида, – со вздохом ответил отец. – Это, девочка, вся моя жизнь.

Потом поняла – он знал, что болен, и понимал, что осталось ему немного. Год, два, пять, десять – точного ответа никто не давал. Как-то обмолвился:

– Мама сильная. Крепкая, как дуб. У мамы есть ты и работа. Есть смысл жизни. Мама выдюжит в любом случае, ты и сама это знаешь. А Тася... У нее никого. Вообще никого, понимаешь? Даже дальней родни. Только я, Лида. Ну и, надеюсь, ты.

Лида плакала:

- Нет, пап! Я тебя умоляю! Я не смогу, понимаешь?

- Я очень тебя прошу, - отчеканил отец, - очень, Лида. Кажется, так я еще никого не просил! Ты пойми - она очень слабая и одинокая. Не будет меня - не будет ее.

- А я? - тихо спросила Лида. - Обо мне ты подумал?

Он усмехнулся:

- А как ты думаешь? Только поверь, Тася станет тебе родным человеком. Близким и дорогим. И ты мне еще скажешь большое спасибо!

- Я уже говорю тебе большое спасибо, ты разве не слышишь? - захлебываясь слезами, кричала Лида.

Отец боялся, что Тася не сможет пережить его смерть. Понимал, что он - смысл всей ее жизни.

- Пятнадцать лет, Лида. Целая жизнь, понимаешь? Ты только представь - пятнадцать! Пятнадцать лет ожидания - когда позвоню, когда приеду. И все. Больше ничего у нее не было. Одно ожидание - томительное, тревожное, мучительное и - бесконечное. Я позвонил - и жизнь продолжалась. А зачастую и позвонить не получалось - из дома не мог, как ты понимаешь. Звонил перед уходом с работы - ровно в семнадцать сорок пять. Наше с ней время. Коротко: «Как ты? У меня все хорошо». Пара фраз - кругом одни уши. На работе все понимали - звоню любовнице. Раз-два в неделю мы встречались на десять минут у метро. Просто чтобы повидаться, посмотреть друг на друга, подержаться за руки - как воры, как шпионы, с оглядкой - не дай бог кто увидит. Но посмотрели, подержались за руки, и можно жить дальше. Приезжал я к ней пару раз в месяц. Иногда три, больше не получалось. А ждала она каждый день. Каждый! Потому что вырывался я неожиданно, незапланированно, как получится. Как все женатые люди. Приезжал накоротко - час, два, три. И вот за эти несчастные пару часов мы не могли наговориться, представляешь? Перебивали друг друга, боялись что-то забыть, пропустить. А потом я уходил. Если бы ты знала, как она

на меня смотрела! Если бы ты знала, дочка...

Несколько раз мы расставались. Вернее, пробовали расстаться. Я сказал сразу – из семьи не уйду. Дочь не оставлю, да и жену тоже. Ольга спасла мне жизнь. А Тася, – отец улыбнулся. – А Тася спасла мою душу.

Лида знала семейную историю знакомства родителей. Отцу стало плохо в лаборатории, упал посередине рабочего дня. Началась суэта, бестолковая беготня и крики о помощи:

– Валька умирает! Вальке Вершинину плохо!

Он помнил, что прибежала сестричка из медпункта, растерянная, перепуганная. Наконец кто-то сообразил вызвать «Скорую», кто-то распахнул окно. Кто-то расстегнул ворот рубашки и ослабил брючный ремень. Сквозь замутненное сознание он слышал испуганный шепот:

– Что, помер? О боже, такой молодой! Заткнись, идиотка! Да жив он, дышит! Держись, Валька! Держись, старик!

Приехала «Скорая». Погрузив на носилки, его запихнули в машину. Там ему стало хуже – он снова терял сознание, проваливаясь в темный колодец. Слышал только сирену – значит, включили. И голос врача:

– Жми, Игнатъич! Не довезем. А жалко, такой молодой. Да и зачем нам жмур – не отобьемся.

Ему почему-то было не страшно – смешно. «Жмур». Это он – жмур? Вернее, кандидат в жмуры? Ха-ха. Что называется, приплыли.

Оперировала его молодая женщина. Он слышал, как к ней обращались – Ольга Ивановна.

Сквозь пелену сознания он с усилием на секунду приоткрыл глаза и увидел эту Ольгу Ивановну – крепкую, широковатую в плечах, с длинными темными бровями и огромными зелеными глазами – тревожными и настороженными. Красивыми невозможно и очень строгими, как у директора школы. Больше ничего видно не

было – белая, по брови, шапочка и маска.

На следующий день она зашла в реанимационную палату, и он узнал ее по глазам – таких зеленющих, «крыжовенных» глаз он раньше не видел. И теперь, без низко надвинутой шапочки и маски, он разглядел и все остальное – красивый прямой аристократический нос, полноватые бледные губы, плавные скулы и все тот же строгий, даже суровый взгляд.

– Как самочувствие? – строго спросила она.

Валентину показалось, что она немного смутилась. С трудом разлепив спекшиеся губы, он что-то забалагурил. Врачиха все больше хмурилась и, кажется, была им недовольна.

С того дня он ждал встречи с ней.

Кое-что выпытал у ночной медсестрички: Ольга Ивановна Голышева, не замужем, бездетная. Строгая очень, ответственная и, говорят, с большим будущим. «С медицинским, с каким! Вы что, Вершинин? Все шутите, да?»

Со вздохом разводил руками: «Простите, шучу!»

На третий день его подняли. С одного бока – рыжая и конопатая, смешливая медсестра Галочка, с другого – суровая Ольга Ивановна. Сосудистый хирург, надежда отделения и медицины, человек молодой, но уже снискавший уважение. По всему видно – умница, врач по призванию.

Виделись они каждый день. Утренний обход – обязателька. А вот вечером, после тихого часа... Кажется, по велению сердца.

Или он все придумал?

Но если доктор Голышева не заходила перед уходом, он начинал волноваться. Выползал в коридор, слонялся у ординаторской.

Караулил. Обеспокоенно спрашивал у сестричек:

– А что доктор Ольга? Ушла?

Как-то у нее было ночное дежурство. Вершинин пошел в туалет покурить. У окна стояла докторша. Прямая спина, волосы убраны под колпачок. «Интересно, какие у нее волосы», – подумал он и спросил:

– Не помешаю?

Окинув его пренебрежительным и равнодушным взглядом, она усмехнулась:

– Мне – нет. А вот себе... помешаете. Курить вам, Вершинин, строго противопоказано! Не зря же я вас починила! И что? Вся работа насмарку? Я, знаете ли, очень старалась.

А ему вдруг захотелось прижать к себе и обнять эту зеленоглазую, красивую и усталую женщину. Ей-богу, еле сдержался.

Выписали его через два дня.

Теперь он караулил докторицу у выхода из отделения, чтобы вручить цветы и конфеты. Обычная благодарность, не более. Нет, она, кто ж спорит, была хороша! Но кадрить ее, кажется, не было смысла – слишком сухая, слишком строгая, серьезная не по годам. Ну и вообще – недоступная. Как с ней общаться?

Увидев растерянного, держащего за спиной букет гвоздик больного Вершинина, Ольга Ивановна растерялась и, кажется, разозлилась. И точно очень смутилась:

– Вы что, Вершинин? В своем уме? Нет, – возмутилась она. – Нет, мне не надо! Я не возьму!

С трудом всунув непокорной врачихе букет, уронил при этом конфеты. Коробка разлетелась, а даритель, смутившись, как подросток, рванул вниз по лестнице.

Вслед услышал:

– Куда вы, Вершинин, вам бегать нельзя. Честное слово, вы сумасшедший!

На улице попытался успокоиться, било как в лихорадке – походил, покурил, немного пришел в себя, но домой не уехал – торчал у ворот больницы. Увидев его, она, кажется, не удивилась – выходит, ждала?

Очень скоро Ольга Ивановна Голышева стала Вершининой. И еще – Олькой. Тогда еще он звал ее Олькой.

Через полтора года у Вершининых родилась дочка Лидочка.

Три года в огромной коммуналке с родителями мужа. Три года за ширмой, с ночными выступлениями дочки, с ворчанием свекров и все же с их помощью – через полгода после рождения Лидочки Ольга бросила кормить и вышла на работу. С внучкой сидела бабушка Рита. Даже в детстве Лида понимала, что мама и бабушка не любили друг друга. Не понимала – что может понимать маленький ребенок? Чувствовала. Слышала, как баба Рита ворчала: «Не мать и не жена, сплошной хирург. Не повезло Вальке».

Долгое время маленькая Лидочка уверенно считала, что «хирург» – это ругательство.

Да и мамину нелюбовь к бабе Рите Лидочка чувствовала – слышала, как та выговаривала ей: «Маргарита Васильевна! Зачем вы кладете в кашу такое количество масла? Хотите, чтобы у ребенка была больная печень?»

Баба Рита смертельно обижалась и замолкала на несколько дней. Но потихоньку ворчала – это у нее больная печень! Желчью исходит. Бросается, как собака: то не так, это не так. Бедный наш Валька! Сколько той жизни, чтобы так ее губить.

Баба Рита и отвела Лидусю в первый класс. Отвела первого сентября, а второго, на следующий день, умерла.

Лида помнила, как мама рыдала на кладбище и просила у бабы Риты прощения. И помнила, как это ее удивило. Надо же – ведь мама бабушку не любила. И что она плачет, что, как сказала соседка, убивается?

Когда Лиде исполнилось семь, Ольге Ивановне Вершининой, перспективному специалисту, выделили маленькую двухкомнатную квартиру за выселением.

А через четырнадцать лет, учтя все заслуги доктора наук Вершининой, дали квартиру побольше – у метро «Ленинский проспект», в новом кирпичном доме: три комнаты, два балкона, кухня в двенадцать метров. Не квартира – сказка! «Просто какое-то чудо», – как говорили знакомые.

– Мне с женой повезло, – смеялся Валентин Вершинин. – Такая квартира!

Но в голосе его чувствовались грусть, ирония и даже сарказм.

Нет, скандалов у них никогда не было, во всяком случае, ссор родителей Лида не слышала. Мама пропадала на работе и приходила поздно, не раньше девяти, часто уезжала на конференции и в командировки.

Хозяйством Вершинины себя не обременяли – что есть, то и хорошо. В двенадцать лет Лида научилась готовить. Особенно ей удавались торты и пироги, которые она пекла, чтобы порадовать родителей.

Комплиментов мама не раздавала, реагировала сухо:

– Спасибо, все было вкусно.

Кажется, она вообще не замечала, что ест и что пьет. А вот отец на похвалы не скупился:

– Ох, Лидка! Ну и повезет какому-нибудь идиоту!

После ужина мама сразу уходила к себе, и ее было можно понять: две операции, потом совещание.

На кухне оставались отец и Лида. Лида мыла посуду, отец что-то рассказывал. Лиде всегда было с ним интересно. Это были самые счастливые минуты их жизни – она и папа. И их разговоры.

Словом, обычная семья, со своими сложностями, проблемами, радостями. Таких миллионы. Мама, папа, ребенок. Квартира, хозяйство, планы на отдых – все как у всех.

А потом выяснилось, что Тася, любовница отца, уже была в его жизни. Ну и в Лидиной и маминой заодно. Выходило, что Тася появилась в жизни отца вскоре после его женитьбы.

В пятнадцать лет Лида наотрез отказалась знакомиться с Тасей:

– Перебьетесь.

Любила ли она мать? Сложный вопрос. Нет, конечно, любила. Гордилась ею, восхищалась, немного ей завидовала. Побаивалась ее, критики ее боялась – мама всегда была беспощадна. Усмешек ее боялась: посмотрит, как одарит рублем, говорила бабушка Рита.

Лида сжималась под маминым строгим оценивающим и беспощадным взглядом. Внешне дочь не удалась – вот мама была абсолютной красавицей. Лида стеснялась своих широких бедер, крупных кистей – ловила на себе мамин взгляд и краснела. Очень боялась ее разочаровать и училась как проклятая. Какая там тройка, о чем вы? Лида стеснялась четверок. Правда, дневники и тетради мама не проверяла: «Я тебе доверяю, Лида. Ты взрослый и, надеюсь, ответственный человек».

Постепенно все домашние хлопоты перешли к Лиде – магазины, прачечная, почта, сберкасса. В тринадцать лет она снимала показания счетчика и заполняла квитанции.

На школьные собрания мама не ходила – да и зачем? К Лиде Вершининой претензий не было: тихоня и скромница, практически отличница, примерная комсомолка, хороший организатор. К тому же все знали, что Лидина мама известный хирург, серьезный и занятой человек.

В тот день, когда отец решился на разговор – а этот день она запомнила на всю свою жизнь, – опухшая от слез Лида, всегда уступчивая и слабая, легко поддающаяся на уговоры, была непреклонна:

– Даже не уговаривай! Ничего у тебя, папа, не выйдет! И твои аргументы я никогда не приму! И маму я не предаю, слышишь?

Отец грустно вздохнул:

- Что ты, Лидка! Я тебя понимаю. Но, знаешь...

- Ты ее никогда не любил? - перебила она.

Отец пожал плечами:

- Честно? Не знаю. Любил - не любил... Знаешь, Лидуш, нашу маму можно уважать - это совсем несложно. Восхищаться ее талантом. Гордиться ею - ее нечеловеческой работоспособностью и силой духа. Жалеть, сочувствовать. Служить, пытаюсь облегчить ее жизнь. Но любить... - Покачав головой, он горько вздохнул. - Я сволочь, дочь. Большая я сволочь, наверное. Но оставить ее, уйти от тебя и от нее? Нет, Лидка, я не смог. Всю жизнь помнил, что Оля спасла мне жизнь. А потом родила тебя, самое дорогое, что у меня есть. Всю жизнь Оля пашет как вол. Да и судьба у нее... не дай бог. Сиротство раннее, тетка Сима. А тут еще я. Да и потом, она ж без меня пропадет, - улыбнулся отец. - Наша драгоценная Ольга Ивановна ни к чему не приспособлена. Только работа, работа, работа. Оля - хирург от Бога, сколько спасенных жизней! Ты знаешь, в больнице на нее молятся. Ну а какая она дома, ты тоже знаешь. Разумеется, это не умаляет ее достоинств. Просто, дочь... Не моя это женщина. Понимаешь?

Лида молчала.

- Не моя, - повторил отец, - вот так получилось.

Этот разговор они очень старались забыть, но Лида видела, как неловко отцу и как заискивающе он заглядывает ей в глаза. К обожаемому отцу, любимому папке в то время относилась с брезгливостью. Разочаровал ее родитель. Да, крепко разочаровал, огорчил и обескуражил. И еще была злость - сам виноват. И ребенка приплел. Эгоист.

После смерти отца Лида часто думала: как мать, опытный врач, могла не заметить симптомов болезни? Пропустить, не обратить внимания на его мертвецкую бледность, резкое похудание, нарастающее бессилие?

Потом поняла: мать на отца не смотрела. С работы возвращалась замученная, серая от усталости – какое уж тут внимание, какие семейные разговоры! Она просто не видела мужа и дочь и не интересовалась их проблемами. Ни одного вопроса! Нормально? Конечно же нет! Но все было именно так.

Редкие воскресные семейные обеды всегда проходили в полнейшей, пугающей тишине, под стук приборов и приглушенный звук телевизора.

– Оля, передай мне, пожалуйста, хлеб! Лидка, подкинь картошечки, а?

– Лида, что у тебя с экзаменами? – хмурила брови мама. – Ты собираешься в зимний лагерь?

Лида собиралась и в зимний, и в летний. Лагерь она ненавидела, как и все общественное, включая душ и туалет, столовую и построения, спортивные мероприятия и вечерние танцы. Все это вызывало тошноту и уныние. Ей хотелось одиночества, уединения.

В августе мать уезжала в санатории – в Крым, в Прибалтику, в Подмосковье. Разумеется, в самые хорошие – Ольге Ивановне Вершиной в путевках не отказывали. Мать говорила, что ей нужно восстановиться. Все правильно, ритм ее жизни может вынести далеко не всякий.

Отец, заядлый турист, уезжал на озера – Карелия, Алтай, Байкал.

Говорил, что с друзьями-походниками. Потом Лида поняла, что с Тасей.

Из отпуска родители возвращались веселые, отдохнувшие и загорелые.

Мама шутила, рассказывая санаторские байки и смешные истории. Как-то раз попыталась рассказать услышанный анекдот – перепутала все, от начала и до конца, и, увидев лица Лиды и мужа, расстроилась и смутилась. Над ее пересказом смеялись больше, чем над самим анекдотом, и мама тогда очень обиделась...

Отец тоже что-то рассказывал, и, кажется, мама смеялась...

Лиде рассказать было нечего – утренняя зарядка, надоевшая до желудочных спазмов овсяная каша и мутный, остывший, невероятно сладкий чай. Дожди и холод: в палате всегда было сыро, и с влажных потолков капала вода. В хорошую погоду было повеселее – озеро, лес, ночные костры. В клуб на танцы Лида не ходила, оставалась в палате – валялась с книжкой. На танцах сплошной выпендрей, кривлянье и кокетство, а главное – интриги, интриги! Ревность и подростковые козни. Противно.

Мать задавала один и тот же вопрос:

– У тебя все нормально, Лидуша? Довольна отдыхом, надышалась, насладились природой?

Лида отвечала уклончиво:

– Ну так... Только опять с погодой не повезло – почти все лето лили дожди.

– Дожди? – удивлялась мать. – Странно, а я не заметила.

Не заметила она, фыркала Лида, ну да, правильно! В Сочи дождей точно не было! И холодного грязного илистого пруда с жирными скользкими отвратительными пиявками. У мамы было теплое Черное море. И кислых, сводящих зубы яблок не было, а были румяные, сочные персики. И солнце было, и теплая галька. И вареная кукуруза, которую Лида обожала.

Папа заходил перед сном и присаживался на край кровати:

– Ну что, Лидка? Не очень? Надоел тебе лагерь? Дерьмовыми получились каникулы?

Лида глотала слезы:

– Ага. Все, пап! Больше туда не поеду, хоть режьте!

– Ну и правильно, – соглашался отец. – На следующее лето поедешь со мной, ты уже взрослая! В Карелию, а, дочь? – Отец мечтательно заводил глаза к потолку. – Там такие места! Ну что, Лидка, согласна?

Лида замирала от счастья. Еще бы она не согласна.

В десятом классе надо было решать дальнейшую, как сказала мама, судьбу.

– Какие у тебя предпочтения? – хмурилась мама. – Жаль, что не хочешь в медицину, очень жаль! Но ты права: медицина – это призвание. А без призвания хороших врачей не бывает. Да и вряд ли, Лида, – окидывая ее беглым взглядом, продолжала Ольга Ивановна, – вряд ли я бы хотела тебе такую судьбу. Да и ты у нас, – вздыхала мама, – слишком нежная.

И в мамином голосе опять звучали разочарование, осуждение и снисхождение.

Какая медицина – Лиду тошнило от одного вида крови!

После недолгих раздумий решила пойти в педагогический, на факультет дефектологии.

– Работа у тебя будет всегда, – с сомнением сказала мама, – но, знаешь, не самая легкая. Ох, Лида, работать с больными детьми... Но решай, дело твое. В конце концов, будет от тебя хоть какая-то польза.

– А мы легких путей не ищем, да, дочь? – отшучивался отец. – Молодец, уважаю! Мама права, будешь приносить реальную пользу.

На выпускной отец пришел один – сославшись на усталость, мама осталась дома.

– Да и вообще, все это условности, – уверенно заявила она. – От семьи достаточно одного представителя.

Обида была такой, что Лида решила, что на выпускной она не пойдет, потому что невыносимо стыдно.

Уговорил отец:

– Во-первых, я что, не подхожу, не тяну на представителя? Ну и, во-вторых, дочь, ты ее знаешь. Наша мама лишена предрассудков. Да и права она – это и вправду

условности.

На выпускной Лида все же пошла, зачем лишние пересуды? Отсидев торжественную часть и получив аттестат, тут же отправилась домой – какой банкет, какие танцы, когда слезы из глаз?

Легко сдав экзамены, Лида напомнила отцу про его обещание. Растерявшись, он ответил горячо и сбивчиво:

– Да, да, разумеется! Конечно, я помню! На восемнадцатое у нас билеты. Только, Лидка, – отведя взгляд, отец замолчал. – Только... Ну в общем, компания будет большая и...

– Я поняла, – ответила Лида, – там будет она.

Скорчив смущенную гримасу, отец картинно развел руками – дескать, не обессудь.

Лида махнула рукой: черт с вами! Переживу. Во-первых, взрослая. А во-вторых... Мама сама виновата. Да и как хотелось на волю! С папой, с его веселыми приятелями, с кострами и песнями под гитару, с шашлыками, палатками, сбором грибов и ягод.

На перроне, где собиралась честная компания, Лида испуганно оглядывалась по сторонам. Видела, что отец тоже нервничает.

Отцовские приятели балагурили и шутили, хвастались, кто чем запасся, у кого новая заграничная удочка, а у кого и палатка.

Борис, Иван и Илья, друзья с институтских времен, и их жены – Аля, Тамара и Элла, женщины милые, свойские, доброжелательные. Подбадривая смущенную Лиду, делали ей комплименты.

«Никогда, ни разу я не была у них дома, – подумала Лида. – А они у нас тем более». Гостей мама не признавала. Лишь однажды согласилась пойти на торжество в ресторан, где Борис и Аля праздновали серебряную свадьбу. Взяли с собой и Лиду. За столом было шумно и весело, все вспоминали студенческие

годы, курьезы, застоля, проваленные экзамены, знакомства с девушками, юношеские романы. Потом были песни и танцы, и снова всем было весело. Лида сидела за столом, ела невероятно вкусное мясо, запивая его любимым «Буратино», и жадно разглядывала гостей. Нарядные, накрашенные, возбужденные от комплиментов и мужского внимания женщины кокетничали и строили глазки. Попивая сухое вино и равнодушно ковыряясь в тарелке, мама скучала в полном одиночестве. Пару раз выходила звонить – наверняка в отделение.

– Расслабься, Оль, – раздраженно бросил отец.

Недовольно и обиженно фыркнув, мать отодвинулась от него. «Всем весело, – подумала Лида, – все с удовольствием едят, поют и танцуют. У всех горят глаза, и все друг другу рады. Только не мама». И почему-то в эту минуту ей стало так жалко мать, что она чуть не расплакалась. «Бедная, бедная мама! Не умеет человек получать удовольствие ни от чего, кроме работы. Ее нельзя осуждать – ее можно только пожалеть».

Поезд подали. Отец то и дело поглядывал на часы – нервничал. И вдруг он вытянул шею, подался вперед, и на его лице расцвела счастливая, детская улыбка. По перрону шла женщина. Обычная – среднего роста, тоненькая, в узких брючках и светлой курточке. На голове – цветастый платок, на лице большие солнечные очки. Задорный, слегка курносый нос, пухлые, яркие губы, светлые, легкие, выбивающиеся из-под платка, кудрявые волосы.

Отец бросился к ней навстречу. Переглянувшись, все посмотрели на Лиду. От смущения она застыла.

Отец и женщина подошли к вагону. Женщины обнялись, мужчины смущенно пожали ей руку. И Лида поняла – папину женщину любят. Сжалось сердце, и стало обидно за маму...

Женщина посмотрела на отца, словно ждала разрешения, и наконец подошла к Лиде. Она сняла очки, и Лида увидела ее глаза – огромные, распахнутые, невероятного голубого, яркого, как июльское небо, цвета.

Протянув Лиде маленькую, изящную, с полукруглыми, красивыми, ухоженными ногтями руку, она улыбнулась:

– Здравствуй, Лидочка! Я Тася.

И Лида почувствовала, как у нее загорелись щеки.

С какой любовью отец смотрел на эту Тасю! Какая нежность читалась в его взгляде! А как Тася смотрит на отца – мама на него так никогда не смотрела. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Отец и Тася держались за руки – ей-богу, как дети. И Лида впервые улыбнулась.

Какое это было замечательное время! Эту поездку она запомнила на всю жизнь. Счастье, одно сплошное счастье – вот что было тем летом.

С Тасей они подружилась. Да и как могло быть наоборот? Тася была замечательной.

Нет, в подружки или в наперсницы она не лезла – никаких подмигиваний, лихого панибратства, объятий, заискивания, желания понравиться. Просто от нее шло такое человеческое тепло, что Лида не переставала удивляться: а так бывает? Как легко и просто было с Тасей! Как никогда не было с мамой.

Возвращались тридцатого августа. В поезде Лида хлюпала носом – как же ей не хотелось расставаться с этими чудесными, веселыми и теплыми людьми! Как быстро кончается счастье. Не расцепляя рук, отец и Тася молчали – им предстояла разлука.

На перроне Тася прижала Лиду к себе.

– Жду тебя в воскресенье, приедешь?

Хлюпнув носом, Лида кивнула и уткнулась ей в шею.

Мама вернулась из Ялты накануне и была радостной, возбужденной, счастливой – отдых оказался сказочным:

– Море теплейшее, еда замечательная, экскурсий море. объездили весь полуостров, в общем, я в полном восторге.

– Ну и славно, – улыбнулся отец, – рад за тебя. И выглядишь, кстати, прекрасно!

Мама и вправду была сказочно хороша – загорелая, с горящими зеленеющими глазами, похудевшая, помолодевшая. За ужином она рассказывала о своем замечательном отпуске, а отец был хмур и задумчив, словно принимал какое-то решение.

Нахмурившись, мать его окликнула:

– Валя! Ты где? Все еще в Карелии? – И, повернувшись к Лиде, спросила: – Ну? А как вы? Всем довольны?

Мельком взглянув на отца, Лида что-то затараторила.

– Ясно, – оборвала ее мать. – Спасибо за ужин. – И, резко встав из-за стола, пошла к себе.

– Вот так, – растерянно пробормотал отец, – такая вот жизнь.

И Лида заплакала.

С Сережей они познакомились на третьем курсе, он учился на физическом факультете. Поженились сразу после диплома. Думать и размышлять было нечего – всем было понятно: это любовь. Лида летала на крыльях.

Через пару месяцев после свадьбы, когда счастливые молодожены обживали маленькую комнатку в коммуналке, которую им уступила Сережина бабушка, отцу стало плохо.

Мать тут же положила его к себе. Приходила вереница врачей, лучших светил, собранных ею со всей Москвы. Делали какие-то процедуры, уколы, обследования, но по расстроенному лицу матери и по виду отца Лида понимала, что хорошего мало.

В те дни почти ежедневно она ездила к Тасе. На нее было страшно смотреть – за несколько дней веселая, моложавая оптимистка Тася превратилась в старуху. Как неживая, заледеневшая, с абсолютно прямой спиной и сцепленными в замок руками, с застывшим, устремленным в стену взглядом, Тася сидела на самом краю дивана и слушала Лиду.

– Как же так? Лидочка? – бормотала она. – Как же так? Какая чудовищная несправедливость, Лидуша! Но самое страшное другое – я не могу быть с ним рядом. Нет, это, конечно, не самое страшное, что я несу, – тут же смущенно поправлялась она, – но, Лида, что делать? Как быть? Это же неправильно, так несправедливо! Да, – без конца повторяла она. – Чудовищно несправедливо. Мы же вместе всю жизнь, Лида. Столько лет! И вот сейчас, когда Валя... я не могу быть рядом с ним.

В квартире было тепло, но они почему-то мерзли и кутались в старые кофты и шарфы и бесконечно пили горячий чай, а за окном, изматывая душу, нещадно выла вьюга. Лида с Тасей вспоминали и говорили, говорили обо всем. Ненадолго отвлекались, даже смеялись, но тут же спохватывались и начинали плакать, а Тася повторяла снова и снова:

– Как же так, Лидуша? Как же так? Неужели я ничего не могу сделать?

Успокаивая ее, Лида рассказывала, что уход за отцом прекрасный и, безусловно, делается все возможное и даже больше, что мать подняла всю Москву:

– Тасенька, ты же понимаешь, у нее такие возможности. И тебя я понимаю и уверена – слышишь, уверена! – единственное, что бы хотел папа, – это видеть тебя. Но так сложилось, такие ужасные обстоятельства, и ничего поделать нельзя, вот в чем весь ужас. Надо жить и надеяться на лучшее, а по-другому никак. И дай бог, Тасенька, дай бог, слышишь, все образуется. Потому что надежда умирает последней.

А Тася, как заведенная, как безумная, твердила, что все понимает: и про уход, и про лучших врачей.

– Но, Лида, я твердо знаю, просто уверена: если бы я была рядом, то я бы смогла! Лидуша, – спохватывалась она, – давай я сварю Валечке гороховый суп. Господи,

какая я идиотка! Ты говоришь, что он плохо ест, а я, дура, не сообразила. Гороховый супчик! Его любимый, с копченой рулькой. Вот увидишь – уж супчика Валя поест!

«Бедная, наивная Тася, – засыпая, думала Лида. – Какое счастье, что ты его не видишь! Не видишь, во что превратился твой замечательный Валя. Не видишь, как он страдает, с каким трудом проглатывает ложку бульона или две ложки сладкой воды. Какой там гороховый супчик с копченостями!»

Обнявшись, измученные и обессиленные, они засыпали на диване, и не было никого на свете ближе, чем эти две женщины, почти утонувшие в своем общем, огромном, безбрежном горе. Рано утром, когда Тася еще спала, приезжал Сережа и увозил Лиду домой.

С матерью Лида виделась только в больнице – и то мимоходом, мимоходом. Мать всегда была занята, давая указания, носилась по коридорам, и, завидя ее, все прижимались к стенке: с Ольгой Ивановной вообще шутки плохи, а тут такое дело – в восьмой, одиночной, «блатной» палате лежит ее умирающий муж.

У матери Лида ничего не спрашивала – боялась. Боялась услышать страшную правду. Но по всему ее виду Лиде было понятно, что все очень плохо.

В последние дни Лида из больницы не выходила.

Отец все время спал, мать объясняла это воздействием лекарств. «Ну и забытье, Лида. И слава богу».

– Иди поспи, – коротко бросала она, – на тебя страшно смотреть.

Лида тащилась в ее кабинет, ложилась на диван, мать укрывала ее одеялом, поправляла подушку и приносила горячий сладкий чай и какой-нибудь бутерброд. Потом она присаживалась на край дивана, гладила Лиду по голове, но тут же вскакивала:

– Ну все, мне пора. А ты поспи, Лида. Иначе не выдержишь.

За день до своего ухода отец взял Лиду за руку и, не открывая глаз, прошептал:

– Лидка, Тася, ты помнишь? Не оставляй ее, очень тебя прошу!

– Папа, папочка! Ну что ты? Ты же прекрасно знаешь, что Тася... – И Лида не могла сдержать слез.

Он ушел, когда измученная бессонницей Лида уснула в кабинете матери. Уснула тут же, как провалилась. Проснулась от собственного крика – как будто кто-то толкнул в бок острой пикой. Лида увидела мать и тут же все поняла. Та кивнула. И в эту минуту Лида увидела, как она постарела – за каких-то пару месяцев статная, гордая и уверенная красавица превратилась в пожилую женщину – седые пряди в черных волосах, морщины вдоль рта, потухшие, усталые глаза, дрожащие руки. Закрыв лицо руками, мама заплакала.

Выходит, любила?

Вечером раздался звонок – Эллочка, жена Бориса, отцовского друга.

После слез и соболезнований Элла осторожно спросила:

– Лидуша, а как быть с Тасей? Ты же понимаешь, что она должна там быть.

– Понимаю, – отозвалась Лида. – Это я понимаю, а все остальное – нет. Я не понимаю, как это сделать...

– Делать ничего не надо, – ответила Элла. – Тася просто придет и... словом, Лида, я уверена, мадам ее не заметит. – И смутившись, тут же поправилась: – В смысле, Ольга. Да и мы, мы же все будем! А Тася с нами. Ольга ее не знает, а мы толпой, кучкой. Среди нас она и спрячется, мы ее прикроем.

Эта «мадам» слух резанула – выходит, мать они не просто не любили, а не любили сильно.

Все так и было: на кладбище Тася стояла в сбившейся кучке старинных друзей – съежившаяся, бледная, как полотняная простыня, постаревшая на двадцать лет. На голове черный платок, темные очки, в руках белая роза. Как Лиде хотелось к ней подойти! Обнять, прижать к себе, что-то сказать! Видела, как пошатнувшуюся Тасю обняла Аня, жена дяди Ильи. А Тамара и Иван взяли под

руки.

Мать держалась как скала – ни слезинки. Но Лида видела, что она страдает.

У гроба, поправив красные гвоздики, мать прошептала:

– Валя, прости. Я так перед тобой виновата.

На отца Лида старалась не смотреть. Да и узнать его было сложно – в гробу лежал не ее любимый папка, а чужой, незнакомый, сморщенный и очень старый человек.

В миг, когда опускали гроб, Лида услышала стон. Обернулась – Тася держалась за дерево. «Сейчас упадет», – испугалась Лида и отвернулась: нельзя, невозможно сейчас подойти к ней и поддержать. Потому что рядом стояла мама.

Лида поехала к Тасе на следующий день – выпали длинные праздничные выходные, и находиться дома было невыносимо. С самого порога Лида принялась вымаливать прощение. Тася не поняла, изумилась:

– Ты передо мной виновата? Виновата, что не подошла? Лидочка, о чем ты, девочка? Я все понимаю: она твоя мать. Спасибо тебе, что ты мне вообще разрешила проститься.

Расплакались, обнялись, и Лида поклялась, что никогда ее не оставит – никогда и ни при каких обстоятельствах! И не потому, что обещала отцу, вернее, не только поэтому! А потому, что ближе, чем Тася, у нее никого нет. Ну кроме Сережи...

Казалось, что первые годы после смерти отца сблизили, связали их с Сережей так крепко, так неразрывно, что развязать этот узел не сможет ничто. Ничто и никто. Оказалось, что ошибалась.

Четыре дня в неделю сразу после работы Лида ехала к Тасе. Та ждала ее у двери, чуя, как собака – в подъезд зашла именно Лида. Всегда с неизменным ужином, именно с тем, что Лида любит больше всего:

– Лидочка, детка! Скорее раздевайся, вон твои тапки. Бегом мыть руки и сразу за стол.

Стол был накрыт празднично – скатерть, красивые тарелки, льняные салфетки. Тася была эстетом во всем. На столе стояла маленькая синяя вазочка с сезонными цветами – весной с вербой, а позже с букетиком ландышей, зимой с веткой багульника или просто с пушистой елочной веткой, ну а летом был выбор пошире. Осенью в вазочке тлели багряным огнем кленовые листья. Маленькая кухонька, чистая и уютная, была их любимым пристанищем.

Как Тася умела на свои нищенские копейки создавать атмосферу! Занавески в синюю клетку, голубой абажур, маленькое бра с желтым колпачком над столом, клетчатая же скатерть, синие тарелки, даже салфетки с голубыми горохами. На плите вкусно побулькивал фасолевый суп, в сковородке доходила до хрустящей корочки порезанная кружочками жареная картошечка, к чаю – оладьи, фирменные Тасины оладьи с изюмом и яблоками.

Тася была кулинаркой. Тася была чистюлей. Тася умела ухаживать, обожала угождать, доставлять удовольствие. И видя, как радуются близкие, расцветала сама.

Сколько раз Лида думала, какая бы из Таси вышла жена. Да и матерью она точно была бы прекрасной. Если бы да кабы...

Пужинав, начинались разговоры – Тася выпрашивала все, до самой мельчайшей детали, и это было не любопытство, а интерес, горячий, искренний и неподдельный. «Допрос», – смеялась сама Тася. Интересовало все, что касалось Лидиной работы. Знала всех ее учеников и коллег по именам. Лида охотно с ней делилась событиями школьной жизни. Подвижное Тасино лицо менялось в зависимости от Лидиных рассказов – она то сердилась и охала, то хохотала, хлопая ладонями по коленям. Или в ее глазах застывали слезы, и, смущаясь, Тася смахивала их почти незаметным движением. В этом была она вся – возмущаясь от несправедливости и до слез расстраиваясь чужим неприятностям, Тася от всего сердца радовалась чужим успехам.

Лида видела, как сильно сдала Тася после ухода отца: погасли ее светящиеся глаза, а вдоль рта залегли глубокие морщины.

И все-таки Тася старалась держаться: на работу только с маникюром и укладкой, обязательно каблуки, «а ноги, Лидушка, не те – к вечеру болят так, что хочется выть».

Тася любила бусы – тяжелые темно-зеленые малахитовые, прозрачные, как мед, янтарные, серые в крапинку из агата, бордовые в прожилках из яшмы. На столике у кровати стояла огромная шкатулка с Тасиными «игрушками», и Лида с удовольствием перебирала теплые, словно живые, плоские, круглые, квадратные бусины, и это, странное дело, ее успокаивало.

На праздники они обменивались подарками. Особенно старалась Тася: «Лидушка, а о ком мне еще думать, кто, кроме тебя, у меня есть?»

Тася никогда не дарила бесполезную ерунду, считая это оскорбительным пренебрежением к человеку. Ее подарки были продуманы до мелочей – размер, цвет, фасон. Что-то из одежды, модная сумочка, красивый кошелек: «Лидушка! Выкинь свой позор, умоляю!» Лида растерянно вертела в руках свой старый кошелек и соглашалась: «А ведь правда, страшно вынуть из сумочки! И как я этого не замечала?»

Тася замечала все: как-то Лида обмолвилась о понравившемся аромате, и через неделю Тася вручила ей флакончик с французскими духами. Случайно брякнула – потом, конечно, жалела – о кожаной куртке. На тебе кожаную курточку. Да какую – не дешевую Турцию, а тонюсенькую, нежнейшую Италию, да еще зеленого цвета! Лида отбивалась, клялась, что больше никогда, но было поздно.

– Я вообще к тебе больше не приеду, – кричала Лида. – Ты меры не знаешь! Такие сумасшедшие деньги, богачка хренова! Копейки считаешь, а все туда же!

Молитвенно складывая на груди руки, Тася недоуменно, по-детски хлопала глазами и делала «несчастное», виноватое лицо:

– Лидушка, умоляю! Я тебя умоляю! – В ее глазах закипали слезы. – Не сердись, ладно? Я тебя очень прошу!

– При чем тут «сердись»? – бурчала Лида. – Просто я тебя в который раз прошу. Я же знаю твои доходы. А ты тут... Ведешь себя как Крез, честное слово. Ну что за барские замашки?

Теперь уже Тася просила прощения, а Лиде становилось стыдно и смешно.

Однажды Тася сказала:

- Ты пойми, Лидушка, у меня никого нет. Был твой отец, и был смысл жизни. Но Бог меня не оставил - дал тебя! Это и держит на свете. И теперь мой смысл жизни, извини, девочка, ты! Хотя знаю - нагрузочка я еще та! Позвонить, приехать, привезти!

- Ты - нагрузка? - охала Лида. - Ну ты даешь!

Нет, это Тася дана ей как награда, как подарок - лучшая подружка, заботливая сестра, внимательная, переживающая и волнующаяся мать.

Как-то Тася обмолвилась, что когда-то, «в доисторические времена», побывала замужем:

- Коротко, Лидушка, совсем коротко. Каких-то пару лет, честно - сама не помню сколько. Развелась, как только встретила Валю. Сразу развелась, через два месяца. А что ждешь? Мне сразу было понятно, что Валя - мой человек. Мой мужчина. И мне было наплевать, уйдет он из семьи или нет - какая разница? Главное, что он был. А все остальное меня не очень и волновало.

Однажды Лида спросила:

- А детей ты... иметь не могла?

- Почему? - удивилась Тася. - Было два аборта, прости, без Валиного разрешения.

- Как? - ошарашенно спросила Лида. - Он даже не знал?

Грустно усмехнувшись, Тася качнула головой:

- Это была единственная ложь, которую я себе позволила. Рожать я не собиралась. Вернее, решила не рожать. Тогда зачем ему говорить? Чтобы он

страдал и чувствовал себя виноватым? Он и так чувствовал, ты сама это знаешь!

- Почему? - Губы спеклись от волнения. - Почему ты решила не рожать? Ты же так его любила.

- Не знаю. Дура, наверное. Ну, проблем ему не хотела. Сложностей. Знала, что он будет рваться. Метаться между тобой и этим ребенком. Да и если честно, - улыбнулась она, - мне больше никто не был нужен. Никто, кроме Вали! Мне его хватало, Лидуша! Он был мне всем!

Лида молчала, сказать было нечего.

Через полгода мама пришла в себя и стала прежней Ольгой Ивановной - сдержанной, собранной, суровой. Никаких слез и причитаний. Воспоминания? К чему? Воспоминания расслабляют, мешают жить, от них раскисаешь, а раскисать нельзя.

С мамой Лида созванивалась один раз в неделю, обеим было достаточно. В первую очередь - маме.

Спустя время, когда чуть отпустило, вспоминая свой неудавшийся брак, Лида думала: «Как я могла не заметить? Как? Говорят, женщина всегда чувствует - выходит, я не женщина? Ничего не чувствовала. Ни-че-го. Все пропустила. Профукала, проворонила, прошляпила, потому что верила ему безоглядно. Верила, как себе».

Потом, правда, припоминала: а было! Были моменты, способные насторожить. Наивная дура, неискушенная идиотка, бесхитростная тетеха! Вот, например, - его уходы по воскресеньям. Нет, казалось, причины имелись. Как бы имелись. Переезд школьного друга, как тут не помочь? В следующие выходные снова он, школьный друг, кажется Миша, звал разбирать коробки и чучалы после переезда. «Лида! Туда и зайти страшно - уставлена вся квартира. Ну переезд, ты понимаешь». Конечно, она понимала. Только вряд ли был этот самый переезд. Или вот еще. Кажется, это была суббота:

- Лидка, мне срочно надо на дачу к Барсуковым, мама просила кое-что отвезти.

– К Барсуковым? – удивлялась Лида. – Но это же так далеко! Кажется, Калужская область? А сын Барсуковых? Как его – Витя? Почему не он? Вроде у него машина? Или я что-то путаю?

Сереза смущался и злился:

– Не путаешь. Витя, да. И у него есть машина. Но Витя в командировке и приедет не скоро.

– Поняла, – грустно кивала Лида. – Жаль, пропали выходные. А я так мечтала в Измайлово. Серезка, тогда ты там останься на ночь, вечером не возвращайся. Отоспись и утром поедешь. Почти двести километров, тяжело.

Сереза вроде бы нехотя соглашался:

– Ну раз ты так считаешь...

Где он научился так врать? Где и когда? Ее прямодушный Сереза? А, ну да – ситуация заставила, правильно! Приспособился, как говорится.

Разумеется, не было никакого Миши и никаких Барсуковых. И неожиданных трехдневных командировок не было. Какие командировки у учителя физики – смешно. Муж что-то невнятно бормотал про учительскую конференцию, она почти не слушала, потому что не сомневалась в муже.

Сереза ушел под Новый год. Даже не так – в сам Новый год! Лида крутилась на кухне, нанося последние штрихи к праздничному столу – украшала салат оливье: тертое яйцо, кружочки свежего огурца, пара веточек укропа. Запах весны витал по квартире – пусть и парниковые, но молодые огурчики. Лида посмотрела на украшенный салат и осталась довольна. Кажется, и заливное получилось, и «мимоза». В духовке румянилась утка с яблоками, любимая еда ее мужа.

Приподняв полотенце, глянула на противень с кулебякой: отлично! Пышная, с румяной корочкой и кокетливой косичкой. Красота!

Посмотрела на часы – ого, половина десятого! Через час придут гости: Серезины родители, сестра Зоя с семьей, соседка тетя Галя, Настена и, разумеется, Тася.

Мама, как всегда, встречала одна: «Ой, Лида, о чем ты? Я безумно устала, месяц был диким, столько тяжелых операций, столько тяжелых больных! Отчеты, бумаги, конец года. Какие гости, какое веселье? Да и компании я не люблю, ты же знаешь! А уж разговоры все эти застольные, пустые и дурацкие, вообще ненавижу. И со сватьями общаться неохота, особой любви я к ним не испытываю, ты знаешь. Я как-нибудь, не беспокойся. Куплю что-нибудь готовое: салатик, жареного цыпленка – слава богу, кулинарии работают. С час посижу у телевизора, посмотрю на очередную вакханалию, на опостылевшие физиономии – и спать, спать, спать. Первого могу отоспаться, если, конечно, не позвонят из отделения».

Конечно, совесть Лиду мучила: «Вру, лукавлю. Делаю вид. Приглашаю ее, а сама... сама надеюсь на отказ. Потому что жду Тасю. Какая я все-таки сволочь! Но что поделать – маме никто не нужен – ни зять, ни его родители, ни даже дочка. Но мама такая, другой мамы нет».

Стыдно было, неловко, но ничего не поделать. Оставить Тасю одну? Нет, ни за что! Выходит, такая у Лиды судьба – всю жизнь крутиться, как на горячей сковородке. Спасибо, дорогие родственнички! Это вы сделали из меня лицемерку!

Но никаких кулинарий и готовых салатов – еще чего! С утра нагрузила Сережу и отправила к маме – три банки с салатами, пироги, кусок медовика. Послушный муж, замечательный зять, никаких возражений! Все купил, в квартире прибрался, стол раздвинул, скатерть расстелил, тарелки расставил. Чтобы вечером, через пару часов, уйти навсегда.

Уставшая Лида присела на стул. Перевести дух и накрывать. Да, пора все вытаскивать из холодильника – бесконечные салатники, селечницу, соусник, блюда и плошки. Да, еще хлеб! И успеть привести себя в порядок. Господи, времени в обрез – как всегда провозилась, копуха!

Крикнула:

– Сережа, ты где?

– Я здесь. – Голос раздался совсем рядом, из прихожей.

Странный голос, глухой.

Лида выглянула из кухни.

Муж был одет – куртка, ботинки, шапка.

– Ты куда? – удивилась она. – Вроде бы всего хватает.

Он кашлянул.

– Лида, – голос был хриплым, словно простуженным. – Лида, – повторил он, – я... ухожу.

– В смысле? – не поняла она. – Куда ты уходишь?

Глядя в стену, муж молчал.

– Я ухожу... насовсем. К другому человеку. Которого я... В общем, неважно. – На Лиду он не смотрел.

– К какому человеку? – не поняла она и повторила: – В смысле, уходишь?

Она не понимала, что происходит. Вернее, что произошло.

– К другой женщине. Тебе сказать имя?

– К другой женщине? – глупо повторила она. – Ты уходишь от меня к другой женщине? Ты... – Вдруг стало нечем дышать – еще чуть-чуть, и она задохнется.

Он кивнул:

– Да, именно так. Так получилось. Прости меня, Лидка.

– А праздник? – Лида сглотнула слезы. – А гости, Сережа? Твои родители? Зоя, Настя? Тася?

– Это единственное, что тебя сейчас волнует? – Муж, похоже, начал раздражаться.

Лида молчала. А правда! Как странно, ее волнует именно это. Рушится жизнь, а она...

Резко дернув входную дверь, Сережа обернулся:

– Прости.

Она почему-то кивнула.

Плюхнувшись на стул, Лида огляделась – салатники, пироги, торт на окне. И запахи, запахи... Праздника, вкусной еды, семейного застолья, предвкушение счастья. Счастья и обновления. «Вот тебе и обновление», – подумала она и наконец разрыдалась.

Странное дело. Вместо того чтобы умереть, она стала звонить родственникам, чтобы отменить их визит! Защитная реакция? Может быть. Но было невозможно, немисливо представить, что через час раздастся звонок в дверь и на пороге будут стоять Сережины родители, сестра, Настя, Тася. Дрожавшими пальцами Лида тыкала в телефонные кнопки.

Уф! Свекров поймала на выходе.

– Лидочка, что случилось? – удивилась свекровь. – У тебя странный голос. Как отменяется? Что, Новый год отменяется? – Свекровь растерянно замолчала. – А что случилось? Кто-нибудь заболел?

– Все вопросы к вашему сыну, – сухо ответила Лида. – Хорошего праздника и не забудьте предупредить Зою! Поссорились? – Лида истерически рассмеялась. – Ой, что вы, какое поссорились! Просто... ваш сын ушел из семьи. – И Лида нажала отбой.

Потом посмотрела – восемнадцать пропущенных звонков. Нет, Сережиных родителей было жалко – в чем их вина? Но разговаривать не было сил. Да и о чем? Настю тоже поймала у двери.

А Таси уже дома не было. Мобильный не отвечал – обычная история, Тася вообще его почти не слышала, а тут еще и метро. Глядя в стену, Лида сидела на том же месте. В голове крутилось: «Как же так? Нет, так не бывает! Чтобы ее Сережа? Бред. Может, он пошутил? Ну конечно, он же ушел без вещей! А кто уходит без вещей навсегда?»

Лида бросила взгляд на часы – без десяти одиннадцать. Конечно, он что-то придумал! Какой-то необычный сюрприз, он это умеет! Сейчас раздастся звонок, и на пороге возникнет Сережа, переодетый в Деда Мороза! Или в Снегурочку, с него станется!

И правда, в эту минуту раздался звонок.

Лида бросилась к двери.

На пороге стояла заснеженная и улыбающаяся Тася – на шапке, ресницах и воротнике лежал свежий снег.

– Получай Снегурочку! – рассмеялась она. – Так метет, Лидушка! Чуть не занесло!

Тася трясла шапкой, снимала пальто и сапожки, а Лида молчала, прижавшись к стене.

– Что с тобой? – удивилась гостя. – Устала или что-то болит? Ты какая-то странная, девочка! Что-то случилось?

Лида закрыла лицо руками и зарыдала. Перепуганная и растерянная, Тася гладила ее по голове и плечам.

– Сережа? – спросила она. – Вы поссорились?

Лида оторвала от лица ладони.

– Поссорились? Что ты! Ты же знаешь – мы вообще никогда не ссорились. – Лида гомерически расхохоталась. – Он ушел, понимаешь? Вообще ушел! К другой женщине! И надо же, нашел время! За два часа до Нового года! Шутник, да?

Юморист! – Ее трясло, как в лихорадке.

Уложив ее на диван и насильно засунув ей под язык валидол, Тася принесла горячего чаю и присела рядом. Молчали. Потом Лида, всхлипывая и давясь слезами, заикаясь и проглатывая слова, рассказала, как было.

Тася молчала.

– Что делать, Лидушка, – вздохнула она наконец. – Переживем, девочка. Переживем. Не то переживали.

Потом они пили водку и давились салатами, и Лида все сетовала, что жалко продуктов и ее трехдневного труда, как же так, такое количество и теперь все пропадет?

Тася молча вздыхала и снова гладила Лиду по голове.

В ту ночь они напились. Еще бы – бутылка водки и половина бутылки коньяка для практически не пьющих женщин доза огромная! Уснули одетые, на диване.

Первого отлеживались у телевизора. Ели подвядшую праздничную еду, молчали, что-то вспоминали, даже смеялись и снова плакали.

Второго Тася опорожняла холодильник – в помойку безжалостно летели оставшиеся пироги, салаты, подсохшая утка. А Лида плакала, плакала, без остановки и перерыва. Вот и все, кончилась жизнь.

Если бы не Тася, тогда бы она точно не выжила. Тася жила у нее четыре месяца. И каждый день повторяла:

– Лидушка, дай мне честное слово. Если я тебе надоем – гони в тот же день. Поверь, я не обижусь!

Жить было трудно, даже невыносимо. Приезжала свекровь, садилась напротив и пристально разглядывала невестку, словно ища в ней причину, почему ее сын Сережа ушел. Лида отворачивалась к стене. Свекровь молча вздыхала. Тася уходила на кухню и отчаянно гремела посудой.

- Рожать надо было, - вдруг сказала свекровь. - Был бы ребеночек, он бы никогда не ушел. Ты знаешь Сережу.

- Знаю? - рассмеялась Лида. - О чем вы? Как выяснилось, я Сережу совсем не знаю!

- Надо жить, Лида, - сказала свекровь. - Это не горе, поверь. Надо жить, надо работать. Работа спасает! Да и потом, - запнулась она, - ты еще молодая. Встретишь хорошего человека и, глядишь, устроишь свою жизнь.

- Спасибо, - отрезала Лида. - Хорошего я уже встретила.

И вдруг визиты свекрови и ее «утешения» прекратились - уже облегчение. Потом узнала - Тася запретила ей приезжать. И та согласилась. Все было понятно: сын ей ближе, да еще нужно было начинать дружить с новой невесткой.

Пролетели каникулы, и Лида пошла на работу.

Ту зиму она старалась не вспоминать - как пережила ее, как выжила, где брала силы?

В конце января муж забрал вещи - Лида, по счастью, была на работе, встретила его Тася.

В тот день Лида навсегда распрощалась с надеждой - с надеждой, что Сережа вернется.

- Он что-то сказал? - тихо спросила она.

Покачав головой, Тася вздохнула:

- Что ему сказать, Лидушка? Ему же стыдно. Поэтому и молчал. Молча собрался, оставил ключи - там, в коридоре, на тумбочке. В общем, будем жить дальше.

Жили, куда деваться. Жили. Зима была холодной, снежной, метельной – передвигаясь по улицам, народ жался поближе к домам. От ветра срывало шапки, плотный тяжелый снег залеплял нос и глаза.

А весна пришла неожиданно рано, словно, сжалившись, природа спешила обрадовать.

Маме Лида все рассказала только весной. Странно, но Ольга Ивановна не удивилась и не расстроилась. Как будто знала заранее, что так все будет.

Потом закрутили экзамены, школьный ремонт, составление планов на следующий учебный год. В августе Лида и Тася поехали в дальнюю деревню к отцовским приятелям, за тридевять земель, в Тверскую область. Странно, но знакома Лида с ними не была – в деревню отец ездил с Тасей.

Ехали долго – три часа на поезде и почти час на автобусе. Маша и Дима Повилковы, хозяева крепкого пятистенка на краю полупустой, почти заброшенной деревни, им очень обрадовались. Дима служил лесником, а Маша была на хозяйстве. Денег хватало – какие здесь траты? Почти все свое. Городскую квартиру Повилковы оставили дочери.

Пятнадцать лет назад Дима и Маша, абсолютно городские жители, купили дом в глухой деревушке – сущие копейки, кто здесь покупает? И удивительно легко оставили город, квартиру и удобства. Город, в котором родились и прожили большую половину жизни.

– А все надоело! – смеялась розовощекая, полная, уже похожая на местную жительницу Маша. – Все, понимаешь? Запахи эти, магазины. Вечная суета – успеть, достать, дотащить. А здесь... – Маша мечтательно огляделась. – Ну ты и сама видишь: тишина и покой. В общем, счастье.

И правда – места там были сказочные: густой хвойный темно-зеленый бор «обнимал» деревушку Кротовку с одной стороны, а белый, полупрозрачный березовый лес – с другой. За березняком шло необъятное поле, за полем чистейшая, полная рыбы и раков речка Залужка.

Как и положено, Повилковы завели огород.

– Бились с ним года три, пока что-то выросло, – рассказывала Маша. – А сейчас все свое – картошка, капуста, морковь. Ягоды, яблоки, сливы. Я Димку называю Мичуриным! – хохотала она, с любовью поглядывая на молчаливого мужа.

За домом стоял курятник и клетки с кроликами. В соседнем селе – подумаешь, пять километров! – брали молоко и сметану. Грибов было море – Дима водил в заповедные места. Возвращались с корзинами белых, другие Дима не брал – несерьезно.

Собирали лесную малину, мелкую, но невозможно ароматную. Увидев поломанные кусты, Дима присвистнул:

– Топтыгин!

– Медведь? – испугалась Тася.

– А ты думала! – усмехнулся хозяин. – Здесь тебе, мать, не Подмосковье! Здесь глушь – и медведи, и кабаны, и лисы, и зайцы!

Лида с Тасей испуганно переглянулись.

Хозяева их не мучили – еще бы, столько дел! Делая заготовки на долгую зиму, Маша возилась в огороде и на кухне, а Лида сносила их в погреб. По вечерам варили варенье – яблочное, сливовое, малиновое, и от запахов кружилась голова.

Лида просыпалась рано, Тася еще спала. Одевалась, влезала в калоши – роса – и уходила в лес. Собирала цветы – ромашки, васильки, колокольчики, пижму, шалфей. Бродила по кромке поля.

Маша радостно вскрикивала и принималась за разборку трав: это от живота, это от горла, а это – от головной боли. Пучки и букетики перевязывали бечевкой и подвешивали в сени на просушку.

В Москву Повилковы приезжали редко, раза два в год. Маша смеялась, что стала настоящей деревенской жительницей: «От машин шарахаюсь, толпы боюсь, от выхлопов задыхаюсь».

Лида спала как убитая – сама не помнила, когда так спала. К концу августа она поняла, что выздоравливает. Или так – ее отпустило.

На обратной дороге, когда уже подъезжали к Москве, тихо сказала Тасе:

– Спасибо тебе. Знаешь, мне стало легче.

От общих знакомых знала – Сережа женился на молодой женщине, и в семье ожидается пополнение. Снова сердце сжалось от боли – выходит, ее вина, свекровь права. А в новой семье все получилось.

Но жизнь продолжалась, со всеми ее проблемами и сложностями, болячками и неприятностями, маленькими радостями и победами.

Мама и Тася старели, слабели. И это по-прежнему были единственно близкие и родные люди.

Когда маму «ушли», ее стало мучить давление. Да и настроение было хуже некуда, вот это главное.

– Обиды терзают и прибавляют болячек, – вздыхала мама. – Но что поделать, простить я их не могу!

– Сложно прощать, – соглашалась Лида и спрашивала себя: «Простила ли я Сережу? Впрочем, какая разница, прошло столько лет! Да он наверняка и думать обо мне забыл – у него семья, ребенок. Это я не устроила жизнь, а у него все в порядке».

Однажды он позвонил:

– Сколько лет, сколько зим!

Услышав его голос – а узнала его Лида в ту же минуту, – задрожала, как осиновый лист.

– Встретиться? – удивилась Лида. – А зачем?

– Мне очень хочется тебя увидеть. Да просто поговорить, Лид. Так, о жизни.

– Зачем? – повторила Лида. – Да и о чем нам разговаривать? О какой жизни, Сережа? Наши жизни давно параллельны.

От встречи отказалась, но «позванивать» разрешила:

– Да пожалуйста. Но все-таки, прости, я не понимаю...

И он позванивал – не часто, раз в две недели. Как говорится, не обременял. И всегда извинялся: «Ты свободна, я тебя не отвлекаю?» Хотелось сказать: «От чего, Сережа? От чего меня можно отвлечь? Если только от моего одиночества».

Разговор завязался дружеский – так, ни о чем. Про работу, немного о сыне – кажется, там были проблемы. Лида терпеливо выслушивала, но вопросов не задавала. Начнешь задавать – вовлечешься и пропадешь. Тревожился за родителей – стареют, болеют. Она утешала: «Так у всех. Что поделаешь – возраст».

Больше слушала, чем говорила. Да и о чем ей рассказывать? Все в ее жизни одинаково и предсказуемо, ничего интересного, День сурка, сплошная рутина: школа, дом, мама и Тася. Ну и маленькие человеческие радости: сходили с Настенкой с театр, были с мамой в Третьяковке, ездила с классом в Ясную Поляну, собираемся в Питер, хочу прихватить с собой Тасю.

– Мама? Ну как обычно. Маме никто не нужен, Ольга Ивановна все так же предпочитает одиночество, страдает без работы, мама есть мама. Да, очень жалко, но что поделать? Езжу раз в две недели, от помощи мама отказывается.

Как-то вечером в воскресенье раздался звонок в дверь. Удивилась – кого еще принесло? Наверное, соседка Галя, больше некому, за солью или за хлебом, и Лида посмотрела в глазок. На пороге стоял Сережа.

От неожиданности она застыла, чувствуя, как отчаянно забилося сердце. Открыть? Нет, не буду. Зачем? Но все же открыла. Удивилась – постарел. Сутулый, седой, морщины, потухший взгляд. В общем, прибитый. Мимоходом глянула в зеркало: ну тоже не ах, и она уже не молодуха.

Сели на кухне, накрыла чай. Сережа молчал.

Лида не выдержала:

– У тебя что-то случилось?

– Случилось. – Кажется, он обрадовался ее вопросу. Или ей показалось? – Случилось, – повторил он, – и давно. Знаешь, Лидка...

Она вздрогнула от этого «Лидка». Хотела сказать – да господь с тобой, какая я тебе Лидка? Мы, Сережа, чужие люди! Да и столько лет прошло. Не сказала, пожалела. Всегда всех, дура, жалела. Но весь его вид, потухший, потерянный, сникший... Как сейчас говорят – сбитый летчик. Впрочем, «летчиком» он никогда не был... Летчик – это другое.

Попросил выпить. Лида удивилась: он никогда не пил, так, бокал шампанского на Новый год. А здесь – выпить. Откопала полбутылки вина. Выпил он жадно, залпом, одним махом.

Потом заговорил. Просил прощения, говорил, что совершил ошибку. Страшную, чудовищную, дичайшую ошибку! Да, увлекся. Не разглядел. Идиот! Там же все было ясно.

Чужой человек, ничего общего, они с ней с разных планет, живут как соседи. Сын... Да, сына он обожает. Но сын не очень получился. Как говорят – неудачный. Куча проблем, даже стыдно рассказывать. В общем, Лидка, я как на острове, домой идти не хочу, а идти некуда. Вот такая расплата...

Лида молчала. Торжествовала, получив сатисфакцию? Вряд ли... Жалела его? Сама не понимала. И да, и нет. Ну в конце концов, она же не святая. Однако в душе что-то перевернулось, заныло, как застарелая болячка, зазудело, как давно успокоившийся укус.

– Разведись, – сухо усмехнулась она. – Тебе, кажется, не привыкать.

Он обреченно посмотрел на Лиду.

- Сын. Уйду – он совсем пропадет, я это знаю. Его мать не справится. Да и по большому счету ей все равно.

- Ну тогда живи. Дети – это главное.

Он молча кивнул.

У двери посмотрел ей в глаза:

- Можно я буду к тебе заходить?

Лида покачала головой:

- Нельзя, Сережа. Нельзя. Знаешь... да нет, откуда? Откуда тебе это знать? Столько лет, Сережа! Столько лет я об этом мечтала, чтобы ты вернулся. А теперь все, понимаешь? Все, слава богу, прошло!

- Понимаю. Ты права. Извини.

Он ушел, а Лида еще долго сидела в темной комнате. Сидела и вспоминала, зная, что та жизнь давно прошла – что вспоминать?

Тасе, разумеется, рассказала.

- Не получилось, значит... – вздохнула она. – Ну что ж... Нет, я его не жалею, о чем ты? Но парнем он был неплохим. А вышло все бумерангом.

- Вышло и вышло, – отрезала Лида. – Я-то при чем?

По счастью, Сережа больше не приходил. Но спустя время позвонил:

- Как ты? Здорова? Знаешь, а я все же ушел, не выдержал. С сыном общаюсь, но... Мне кажется, там уже ничего не исправить.

Пожелав ему удачи, Лида медленно положила трубку.

* * *

У мамы случился гипертонический криз. Приехала «Скорая», настаивала на госпитализации. Мама решительно отказалась:

– Я сама врач, сама себя вылечу. Введите магнезию, и вы свободны!

Врач развел руками:

– Ну и характер у вас, мадам! – Кивок в Лидину сторону: – А вам нелегко.

Разумеется, в тот день Лида осталась у мамы. К вечеру давление нормализовалось, и она облегченно выдохнула. Признаться, мысли роились всякие: а если мама сляжет, не сможет себя обслуживать, и тогда ей, дочери, придется жить с ней. А жить с Ольгой Ивановной, как известно, непросто.

Нет, Лида никогда не оставит ее! Но съехаться после стольких лет отдельной жизни? Сложно представить... Или наоборот – просто? Не смогут они ужиться. Никогда. Да и Лида взрослый человек, давно привыкший к одиночеству.

Ах, как было стыдно от этих мыслей! Как она корила себя, как ругала! Как обзывала последними словами!

– Лида, посиди со мной, – крикнула из своей комнаты Ольга Ивановна. – Лида, ты меня слышишь?

Вздвогнув и вынырнув из своих мыслей, Лида вскочила с дивана.

Мама... бледная, отечная. Слабая и старенькая. Ни былой силы, ни мощи – как бы ни старалась, как бы ни храбрилась. А ведь еще чуть-чуть – и не сможет справляться сама. Да, придется съезжаться. И Тася слабеет. Сил все меньше, оптимизм и всегдашний задор почти испарились. И она нуждается в помощи. Что делать? Ей-богу, смешная ситуация! Две ее старушки и... она, Лида. Одна на двоих! Ох, папочка! Ну ты и шутник!

На две части не разорваться, а деваться некуда.

Да уж, картина – три женщины в городском пейзаже! Три одинокие, не очень счастливые женщины.

– Лида, – кашлянула Ольга Ивановна, – послушай меня. Я хочу тебе кое-что рассказать. В общем... Я не думала, что решусь. Да и смысл? Абсолютно бессмысленно. А я не из тех, кто делает бессмысленные вещи. В общем, Лида, был у меня человек. Да, да, и не делай большие глаза. Друг, любовник, возлюбленный – как тебе угодно. Мой коллега, доктор, из соседнего отделения. Наш роман, – горько усмехнувшись, продолжала мать, – длился почти всю жизнь. Да, Лида, всю жизнь! А точнее – почти двадцать лет. И я его очень любила. Уверена – он меня тоже. Но, как ты видишь... – она посмотрела на дочь, – ничего из этого не вышло.

– Почему? – Лида не узнала свой голос. – Почему, мам? Он был женат?

– Нет, не был. Точнее – давно был в разводе. Я была замужем. И... в общем, я так и не смогла на это решиться.

– Ты? – удивилась Лида. – Ты не смогла решиться? Мама! Храбрее и решительнее нет человека на свете!

Мать кивнула:

– Ну да. А вот не смогла. Из-за вас. Из-за тебя и твоего отца. У вас же была с ним такая крепкая связь. Как бы ты жила с отчимом? Как бы Валя пережил предательство? Да нет, наверняка пережил, не он первый, не он последний. Но как бы он пережил расставание с тобой?

Опустив голову, Лида молчала.

– Вот именно, – продолжила мать. – Ты меня понимаешь. Оставить тебя с ним? – Ольга Ивановна покачала головой. – Нет, невозможно! Он бы наверняка женился, у мужиков это быстро, да и такого, как Валя – ты ж понимаешь! – подобрали бы на следующий же день. А кто попадетса, какая женщина? Как она будет относиться к моей дочери? А если родится ребенок? И будет моя Лидка за няньку и за прислугу? – Мать покачала головой. – Нет, я не могла. Как представлю, что скажу тебе, что лишаю тебя отца... В конце концов, ну не получилась у нас с ним совместная жизнь – подумай! А может, и хорошо, что

не получилась! Быт этот дурацкий, кастрюли, носки... Ты же знаешь, как я это любила. А так мы все сохранили. И страсть, и трепет, и нежность. И еще были наши совместные отпуска, море, солнце и – все остальное.

Лида по-прежнему молчала.

– Вот так, – усмехнулась мать. – Правда, я часто думала – а может, зря? Зря я не решилась? Ты же знаешь, с твоим отцом мы жили не очень. Не очень понимали друг друга, да и во всех остальных смыслах все было не очень... Ну да, наверное, зря. Было бы на свете хотя бы два счастливых человека. А так – три несчастных.

«Четыре! – хотелось крикнуть Лиде. – Было бы четыре счастливых человека! Ты со своим этим... доктором и отец с Тасей! А я... Да как-нибудь пережила бы, не померла бы и не повесилась».

Но Лида молчала. Господи, какая нелепость! Какой кошмарный бред, какое вранье. И у матери, и у отца были любимые люди. Но ни один не решился – ни один! Жалостливые такие, совестливые, упивающиеся своим благородством! А на деле – ни на что не способные слабаки, малодушные слизни и тряпки. Всю жизнь сплошное вранье. Жалели они друг друга! Дочку жалели! Да не дочку жалели, а просто боялись! Боялись решиться, взять на себя ответственность. Объясниться. Изменить свою жизнь. Вот и... Ничтожные трусы, сломавшие жизни – свои и чужие. Боже, какая нелепость! Если бы они узнали правду друг о друге!

– Ладно, мам, – вздохнула Лида. – О чем теперь говорить?

– Не о чем, – согласилась мать. – ты права. Жизнь-то прошла. И вообще – зачем я? Глупость какая... Старею, Лида. Прости.

– Мам, а где... Где он сейчас, этот твой... доктор?

Ольга Ивановна усмехнулась.

– Доктор в порядке. Жив-здоров, удачно женат. Да, женился. Ну и правильно – жизнь как-то надо устраивать? Впереди-то... сплошная разруха. Да и сколько той жизни – помнишь, как говорила твоя бабка Рита?

– Ну и славу богу, – задумчиво проговорила Лида. – Хоть он счастлив.

Тасе ничего не сказала – зачем? Все давно в прошлом, все всё пережили, прожили жизни, да и отца давно нет на этом свете – к чему ворошить?

Тем же вечером она позвонила Сереже.

Хватит несчастных. И хватит трусливых. И гордых хватит. И осторожных – достаточно. Все правильно – сколько той жизни?

Плохой хороший день

День не задался с самого утра. Вернее, с самой ночи, потому что Турову не спалось. Такое бывало довольно часто и всегда выбивало из привычного напряженного ритма. До самого рассвета он вертелся, крутился, маялся. Сбившаяся простыня была противной и влажной. Раздражало все, включая постельное белье, наверняка дорогое, из хорошего магазина – другого жена и не покупала, – и оно казалось колким и неудобным, подушка деревянной, а одеяло тяжелым. Туров подумал, что раньше этого не замечал. Резинка на трусах врезалась в кожу. Туров вставал, пил холодную воду, как следствие, часто ходил в туалет, но потом снова пил и даже сжевал кусок колбасы. Колбаса показалась слишком соленой, и Туров со злостью сплюнул непрожеванный кусок.

Вернувшись в спальню, он внимательно посмотрел на жену. Та крепко и, кажется, сладко спала. Замечательные рыжие – конечно, теперь уже подкрашенные – пружинки ее волос, которые он обожал, раскинулись по подушке. Но сейчас это его не умилило.

Он вышел в гостиную и лег на диван. На кожаном диване было скользко и неудобно. Чертыхнувшись, Туров вскочил, как ужаленный. Сел в кресло, вытянул ноги и закрыл глаза. Бесполезно – он окончательно понял, что все попытки бесплодны и сегодня ему не уснуть. Глянул на часы – половина шестого. Ура, дурацкая ночь сдавала права. Всё, всё, всё! Прохладный душ, непременно две чашки крепкого кофе – а иначе он не очухается, – несладкий йогурт и тост с сыром – обычный завтрак. Если не подключится жена, адепт здорового питания.

Тогда придется проглотить мерзкую зеленую субстанцию под названием овощной смузи. Бррр!

Но ничего, до обеда он как-нибудь дотянет. И тут же вспомнил, что пообедать, скорее всего, не удастся – на час дня назначены серьезные переговоры с французами. Ну и черт с ним, с обедом, – выпьет кофе с печеньем, у секретарши Светки всегда есть что съесть. Секретарша из породы грызунов – весь день чем-то хрумкает: то сушки, то вафли, то дурацкие чипсы. Чипсы Туров любил – при виде вожделенного пакетика рот наполнялся вязкой слюной.

Но нет, вредных чипсов в его рационе не было лет десять – жена отучила. Овощные супы, полезная индейка, причем белое мясо, сухое и пресное, свежая рыба, дорогие молочные продукты, из тех, что без консервантов. Их дети не знали вкуса «Макдоналдса» и подобных заведений. Нет, старшая, Лизка, наверняка потом наверстала – еще бы! И он ее понимал. А вот младшая, Миланочка, была еще под контролем. В доме не было конфет: на десерт фрукты или йогуртовое мороженое. Бедные дети!

Он видел, с каким вожделением маленькая Лизка смотрела на сладкую вату, бургеры, картошку фри, кока-колу и прочие вредности. А потом и младшая тянула носом, улавливая аппетитные запахи. Но нет, с Женей шутки плохи. Получишь в ответ такие нотации, что в секунду расхочешь. И дети молчали. В начале совместной жизни Туров сопротивлялся Жениным правилам и с этими нововведениями пытался бороться, орал как резаный: «Какие сырники на ужин? Ты что, одурела? Я мужик, я пришел с работы голодный, а ты мне сырники? Я хочу кусок жареной свинины! С картошкой и соленым огурцом или с маринованным помидором!»

Жена не устаивала его ответом – железная выдержка – и продолжала стругать салаты из свежих овощей. В доме не было кетчупов, майонезов, свинины, сосисок – ни-ни! Иногда, крайне редко, дорогая и натуральная – ха-ха – колбаса из магазина экопродуктов.

– Не делай вид, что ты меня не слышишь, – орал он, – и правила свои не навязывай!

Женя поворачивалась к нему с нежной улыбкой:

– Садись, дорогой! Остынет. Тебе к сырникам сметанки или свежей малины?

Туров сопротивлялся недолго, пару лет. Но, конечно же, зависал у киосков с шаурмой и чебуреками и, воровато оглядываясь, словно у его жены были шпионы, все это жадно и быстро съедал.

Очень скоро его засекли – нюх у жены был как у борзой.

– Пахнет пережаренным маслом, – скривилась она. – А что это на пиджаке? Это жир, Туров! Признавайся, ты ел беляши? Туров, когда жрешь, думай о холестериновых бляшках!

Холестириновых бляшках! Ну разумеется, о чем еще думать!

Но почему-то он испугался и «поджираться гадостью» – выражение любимой жены – перестал. Зато стал чаще ездить к маме, чтобы нормально поесть. Мама его жалела. Варил домашние пельмешки, пекла пирожки, а на плите дымилась кастрюля с кислыми щами на свиной грудинке. А как все это пахло!

Подпирая ладонью щеку, мама садилась напротив и смотрела на него печальными глазами. Женьку, его жену, мама ценила, но... так и не смогла полюбить.

Конечно, невестка все делает правильно – следит за здоровьем мужа. Благодаря ей он занимается спортом. Благодаря ей он строен и моложав. Чего уж, в их роду была расположенность к полноте. Но так издеваться над человеком? Так гнобить мужика?

Но со временем Туров привык к здоровому питанию и даже был благодарен жене – никакие болезни, появляющиеся у его сверстников, его не коснулись, тьфу-тьфу! Ни тебе гипертонии, ни гастрита, ни артрита – спасибо разумной Жене.

Нет, иногда ему позволялось – скажем, на даче или в гостях шашлыки. Но жена зорко следила:

– Один шампур, Туров! – шипела она. – И три рюмки водки!

Зато его не мучали отрыжка и горечь во рту, колики в боку и прочие «прелести».

Он вышел из душа и прислушался к себе. Кажется, легче не стало. Кофе, кофе – вот что вернет его к жизни. Слава богу, к кофе Женя была индифферентна, начитавшись статей про его полезность. Да и должны же быть послабления! Но сама пила только травяные чаи. Иногда, видя палатку с мороженым, Туров срывался и приказывал Володьке, водителю, остановиться. Покупал три рожка – один ему и два себе. Главное не капнуть на одежду – это улики.

После кофе чуть-чуть полегчало. Первая чашка за столом, вторая у окна – привычка.

Туров смотрел в окно. Март. Скоро весна, а за весной лето. Две недели назад они вернулись из любимой Италии. Во дворе лежали сиротские остатки зимы – небольшие нерастаявшие кучки слежавшегося, серого снега. А над ними – серое от облаков мартовское небо. Допив кофе, он вернулся в ванную. Внимательно посмотрел на себя в зеркало: а что, совсем неплохо! Оставшийся средиземноморский загар, гладкое лицо, все еще темные, с легкой проседью, волосы, красивая стрижка – Женька следит. В меру накачанное тело, плоский живот. Молодец его Женька! Да и он молодец. Остался доволен – он еще ого-го! Хотя какое там «ого-го» – Туров хранил жене верность. Во-первых, любил, а во-вторых, был брезглив. Ну и, в-третьих, банально не было времени. Мужские удовольствия типа картишек, охоты и баньки не для него – по натуре Туров был семьянином.

Два нажатия на распылитель флакона с одеколоном (конечно, выбирала жена), втер его в щеки, еще раз оглядел себя и еще раз остался доволен. Да, жене он не изменял, но видеть заинтересованные женские взгляды было довольно приятно. Настроение немного улучшилось. И в эту минуту раздался звонок. На экране высветилось – Володя. Водитель. Туров посмотрел на часы – через двадцать минут машина должна была быть у подъезда.

Словно почуяв подвох, без всяких «здрассе», Туров с раздражением бросил:

– Ну что? Что-то случилось?

Действительно случилось – машина сломалась. Володька что-то бубнил про гараж, про то, что сегодня – да, да, обязательно сегодня, Алексей Евгеньевич, да вы не волнуйтесь – к вечеру все будет в порядке.

– Может, возьмете такси? А чё, сейчас сервис нормальный! Нет, правда!

Но Туров уже отключился. Советчик, блин! Возьмите такси! Баран. Как-нибудь без его бараньих советов. Лучше бы за машиной следил, кретин. Он разозлился не на шутку.

Такси? Нет, сегодняшних таксистов Туров остерегался, это не прежние московские таксисты, профессионалы, спецы своего дела – нагловатые, ушлые, хитрые, отчаянные и умелые весельчаки. Нет, никакого такси – сегодня это опасно. Остается взять машину у жены, другого выхода нет. И, тяжело вздохнув, Туров отправился в спальню.

Жена по-прежнему сладко спала. Туров осторожно дотронулся до ее плеча. Поморщившись, Женя открыла глаза и глянула на часы.

– Ты что? – удивилась она. – У меня еще сорок минут! Что-то случилось?

Туров объяснил ситуацию и тут же снова расстроился: ну вот почему он разговаривает заискивающе, почему просит, давит на жалость? Клянчит, а не приказывает, как подобает кормильцу? Ну да, подкаблучник. И это надо признать...

– Машину? – удивилась жена. – А Миланка? Ты на машине, а мы на метро?

Очень хотелось обидеться. Очень. И выдать жесткую тираду: «Впервые в жизни попросил, да, форс-мажор! Вам две остановки. И, знаешь, я ездил в школу на автобусе и ничего, как видишь, не помер! Да и ты, кажется, тоже?» Но не стал. Жена права, дочь – это святое. Да и скандалить не очень хотелось – Женя была из тех, кто может молчать неделями.

Он быстро оделся и, не заходя в комнату дочек, как бывало всегда, вышел за дверь. Было обидно. Ужасно обидно! Женя знает ведь, что он не любит метро! Всегда не любил подземку, а уж сейчас, загруженную приезжими, тесную,

душную, и говорить нечего. В метро ему становилось плохо.

На улице было тепло. Тепло и влажно, и еще ощутимо пахло весной.

Выйдя из двора, Туров остановился. И что теперь? Поднять руку и остановить такси? Или все-таки позвонить секретарше Светке, чтобы та вызвала? С минуту подумав, вздохнул и пошел по направлению к метро.

В конце концов, подумаешь, барин! В метро он не ездит, душно ему! Цаца какая! И давно ли? Задумался, вспоминая. Да, лет двенадцать точно! А может, и больше. А что, даже любопытно – какое оно сегодня, это метро? И, взбодрившись, прибавил шагу. До метро было близко, минут шесть, не больше. А до работы пять остановок. Или четыре? Он начал считать. Забыл. Черт, забыл! Коренной москвич, а забыл старые и всем известные станции! Впрочем, чему удивляться? Все мужики давно пересели в машины. Да и женщины тоже.

Бодрым шагом Туров зашел в метро. Все было по-прежнему – спешащий на службу народ, приезжие с тюками и сумками, гул поездов, стойка дежурной у турникетов. Только вот турникеты были новыми... Да, точно, новыми! Блестящими, хромированными, с маленькими стеклянными дверками.

«Билет!» – вспомнил он и повертел головой. Касса. В кассу стояла длиннющая очередь. Вздохнув, Туров встал в конец. У кассы замешкался, смутился, достал портмоне. Пятьдесят рублей? Ух ты, немало!

– На сколько поездок? – строго спросила женщина в окошке.

Туров совсем растерялся.

– Ну... давайте на две.

Если Володька починится, билет пойдет Светке. У турникета снова замешкался, огляделся. Прислонил талон к автомату и – уф, прошел! Сработало.

Спустившись к перрону, с облегчением выдохнул – справился, хотя и немного вспотел. Отругал себя: «Идиот!» Нет, билет на одну поездку стопроцентно получит Светка. А он вечером уж точно закажет такси!

В вагоне было тесно и душно – наверное, старая вентиляция уже не справлялась. Все увлеченно таращились в свои телефоны – все! И молодежь, и люди его возраста, и, самое удивительное, старики! Туров усмехнулся. Раньше вагоны были похожи на избы-читальни: книги, газеты, журналы. Туров и сам в метро всегда читал. Да, времена изменились, и кажется, не в лучшую сторону. Что поделать – прогресс, чтоб его. Кстати, еще одно достижение его правильной жены – их младшая дочь к гаджетам доступа не имела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/tri-zhenschiny-v-gorodskom-peyzazhe>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)